

КОРОЛЬ
УЖАСОВ

Алексей
АГЕЕВ

ЧЕРНОЕ
ДЕЛО

ЗАКОН
СЕРЕБРЯНОЙ
ПУЛИ

ЭКСМО

Алексей Атеев

Черное дело

«ЭКСМО»

1995

Атеев А. Г.

Черное дело / А. Г. Атеев — «Эксмо», 1995

Москвичи в шоке. Город захлестнула серия загадочных убийств. Тела погибших страшно изуродованы, но ценности не тронуты. Журналист Осипов, взявшийся раскрыть тайну последнего преступления, теряется в догадках. Кто это? Маньяк? Может быть. А вдруг за всем стоит вмешательство сверхъестественных сил? Ведь сохранились смутные сведения о людях-оборотнях, способных превращаться в медведей-убийц. И будто никому не под силу справиться с ними, кроме особых Охотников из древнего рода...

© Атеев А. Г., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	13
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	24
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	31
ГЛАВА ПЯТАЯ	42
ГЛАВА ШЕСТАЯ	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алексей Григорьевич Атеев

Черное дело

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

1970 г. Осень. Крым

Передвижной цирк-шапито расположился совсем рядом с морем. От кромки прибоя его отделяло каких-нибудь метров пятьсот. Ночами, когда городской шум стихал, становился отчетливо слышен плеск набегающих на песчаный берег волн. Звук этот, тревожный и притягательный одновременно, слегка волновал цирковых, особенно тех, что помоложе. По вечерам они сидели у костра, разведенного возле вагончиков, стоявших на задах шапито, пили дешевое молодое вино и лениво переговаривались, одновременно прислушиваясь к голосу моря. Правда, уже две недели по случаю ненастной погоды посиделки прекратились.

В отличие от людей шум волн несколько не интересовал животных. Ночью, после представления, они отдыхали в клетках, занятые собой и друг другом. Изредка верещали обезьяны, уныло завывала гиена, всхрапывал лев, но не было в их голосах ни тоски, ни страданий.

И только медведи, казалось, проявляли к морю некоторый интерес... Особенно этим отличался немолодой, громадный, но изрядно облезлый бурый медведь по кличке Сударь. По ночам, когда все кругом спали, он садился возле решетки и, прислонив мохнатую голову к прутьям, пытался уловить звуки, долетавшие снаружи. Вряд ли он когда-нибудь видел море, хотя частенько оказывался совсем рядом с ним. Скорее всего неумолчный плеск волн напоминал ему столь же неумолчный шум леса, откуда он был извлечен еще медвежонком. Сударь почти совсем забыл о лесе. Отпусти его сейчас на волю, он скорее всего умер бы от голода, не сумев добыть себе пищи. И все же притягательный шум да еще крепкий соленый запах морской воды, столь непохожий на запах бора, вносил неясное смятение в однообразные мысли медведя.

2

Стоял конец октября. В это время в Крыму еще тепло, а потому в достатке отдыхающих, а значит, и зрителей. Цирк обычно оказывался полон, тем более что городок, в котором он гастролировал, был не избалован зрелищами. И действительно, в начале гастролей народ повалил в шапито.

Но внезапно погода испортилась.

В первые дни ненастья в цирке стало еще многолюдней. Куда еще идти курортнику, если постоянно моросит надоедливый дождь, только что прошедший шторм еще дает о себе знать бушующим морем, а неудобный пляж завален разным мусором?

Цирковой администратор радостно потирал руки, и напрасно. Плохая погода, видимо, установилась надолго, и отдыхающие стали уезжать. Народу поубавилось, а вскоре представления стали проходить и вовсе при почти пустых рядах.

Тут хочется заметить, что конец шестидесятых годов, а именно тогда происходило действие нашего повествования, ознаменовался расцветом советского цирка. Во всяком случае, в прессе писали: «Цирковое искусство, которое благодаря чуткому руководству Коммунистической партии взлетело на недостижимую высоту, и сегодня является подлинно народным. Оно по праву считается лучшим в мире» (газета «Правда», одна из юбилейных статей, посвященных Госцирку).

Надо сказать, что, несмотря на казенную помпезность, в цитате имелась доля правды, и немалая. Народ действительно любил цирк. Да что народ! Первые люди государства его обожали. Сам дорогой Леонид Ильич Брежнев покровительствовал. А уж его дочь Галина... Впрочем, об этом как-нибудь в другой раз.

Народ, не избалованный зрелищем, шел в цирк весело и охотно. Древнее искусство, ведущее свое происхождение от античных римских арен, восточных базаров, средневековых балаганов, процветало. Ведущие цирковые коллективы постоянно гастролировали за рубежом. Блистательные артисты не забывали и крупные культурные центры Союза, где их появление неизменно вызывало ажиотаж. Звания и награды сыпались как из рога изобилия.

Впрочем, существовали и другие, менее известные коллективы. Под знаменем Госцирка колесили они по бесконечным просторам страны, неся цирковое искусство в массы. В бродячих труппах практически не было титулованных артистов. В основном здесь работала либо зеленая молодежь, набиравшаяся опыта и оттачивающая свои номера, либо сошедшие с круга бывшие знаменитости, давно забытые в столицах. Они, как правило, оказывались горькими пьяницами.

3

Встречался, хотя и редко, третий тип артистов. Тяга к странствиям, к постоянной перемене мест была для таких людей своего рода жизненным стимулом. Их не привлекали почести и награды. Перспектива заграничных гастролей оставляла их равнодушными. Даже деньги не играли особой роли. Римское изречение «Via est vita» («Дорога – это жизнь») определяло суть их существования.

Именно таким человеком и был укротитель Габриэль Сабатини, чей номер с медведями являлся гвоздем программы шапито. Настоящее его имя было Гавриил Лазаревич Лазаренко, происходил он из цыганского племени и был известен среди цирковых под прозвищем Капитан Блад.

Худощавый, стройный, смуглый, с длинными, ниспадающими на плечи черными кудрями, он и впрямь походил на персонаж известного романа. Был он молчалив, особой дружбы ни с кем не водил и отличался неожиданными и грандиозными запоями, во время которых поглощал невероятное количество спиртного. Запой продолжались недолго, от силы неделю, но в этот момент Капитан Блад становился настолько опасен, что без крайней нужды к нему старались не приближаться. Случалось, он мог выйти из себя от неправильно понятого слова или даже взгляда. Раз произошел такой случай.

В шапито пришел новый администратор, и в честь этого события им была устроена небольшая пирушка. Пригласили и Капитана Блада. Администратор был относительно молод и достаточно самоуверен. Себя он считал личностью весьма культурной и образованной (некогда он закончил три курса училища хореографии) и к месту и не к месту щеголял эрудицией. Однако человек он оказался мирный и старался ни с кем не ссориться. Звали его Петя.

Небольшой выпивон должен был, по мнению Пети, сблизить его с коллективом.

Некоторое время шло все как обычно: откупоривались бутылки, звенели стаканы, булькало разливаемое вино. За столом велись приятельские разговоры, звучали понятные лишь узкому кругу шутки, и получилось так, что Петя как бы остался в стороне. Во всяком случае, так ему показалось. А ведь именно он организовал, а главное, финансировал мероприятие. И администратор решил привлечь внимание к своей персоне.

Петя уже познакомился с большинством артистов, но их нрав и привычки оставались ему пока неведомы. Взгляд администратора упал на Капитана Блада, который задумчиво потягивал красное вино. На лице укротителя была написана явная скука.

– А скажите, – вежливо спросил Петя, – почему у вас такой странный псевдоним – Габриель Сабатини?

Капитан Блад поднял глаза и холодно взглянул на администратора. За столом притихли.

– Наверное, в честь известного писателя, – не отставал администратор, – автора романа «Одиссея капитана Блада»?

Услышав свою кличку, укротитель стянул губы в ниточку, и глаза его блеснули.

– Но ведь писателя звали не Габриель, а Рафаэль, – продолжал блистать знаниями Петя. – Рафаэль Сабатини. Так что получается некоторое несоответствие.

– Меня величают Гавриил Лазаревич, – сквозь зубы процедил укротитель.

– Ага! – воскликнул Петя. – Понимаю, понимаю... Гавриил? Гаврила, значит... Что ж, вполне логично. Гаврила – Габриель.

Послышались сдержанные смешки.

– А вы и вправду похожи на пирата, – не унимался администратор. – Действительно, вылитый флибустьер.

Хохот усилился.

Капитан Блад слегка побледнел и поднялся. Шум за столом стих.

– Флибустьер? – переспросил он.

Петя утвердительно кивнул.

– Ты пожалеешь, – тихо произнес укротитель и небрежно толкнул свой стакан, отчего вино залило стол и брызнуло на рубашку администратора. – Насмешки строишь, сопляк!

После этого укротитель покинул застолье.

– Он что, обиделся? – удивленно спросил Петя, ни к кому конкретно не обращаясь. – Я вовсе не хотел... Честное слово, вовсе нет. Зачем? Я сейчас же извинюсь... – Он выскочил из-за стола и хотел уже броситься на поиски оскорбленного укротителя, но его остановили.

– Не надо, дружок, – успокаивал его пожилой коверный Вася, – сейчас только еще хуже может быть. Он мужчина нервный, к тому же цыган. Горячая кровь, сам понимаешь. Завтра извинишься. На трезвую голову. А сейчас давай пить.

Администратора усадили на место, налили стакан, потом еще один...

Проснулся Петя посреди ночи оттого, что рядом кто-то ворочался и сопел. Вокруг было абсолютно темно.

«Где это я?» – подумал любознательный администратор и попытался восстановить в памяти происшедшее. С трудом, но все же удалось вспомнить, что между восьмым и девятым стаканом он объяснялся в любви гимнастке Наташе из номера «Летающие братья Карамазовы».

«Так, значит, я у дамы», – догадался Петя. Он провел ладонью по собственному телу и обнаружил, что почти полностью раздет. Потом он робко дотронулся до того, кто лежал рядом. К его удивлению, предполагаемая гимнастка почему-то была облачена в шубу.

«Странно», – поморщился администратор и продолжил свои изыскания. На ошупь шуба была весьма добротной. От нее так и веяло теплом и уютом. Изрядно продрогший Петя поплотнее прижался к владелице роскошной шубы, продолжая между тем ошупывать ее в поисках застежек.

Внезапно предполагаемая гимнастка повернулась, и на Петю пахнуло зловонием. Потом мокрый теплый и шершавый язык стал ласково облизывать его пьяную физиономию.

Страшная догадка пронзила интеллигента. Он вскочил и что есть силы завизжал. В ответ раздалось сдержанное рычание.

Петя визжал не переставая. Своими воплями он разбудил животных, и ночной цирк стал похож на джунгли. Наконец вспыхнул свет. Администратор в одних трусах тряся, вцепившись в прутья клетки, а на другой ее стороне жался в углу перепуганный медвежонок.

Несчастливого администратора извлекли из узилища и кое-как привели в чувство. Он непрерывно дрожал и дергал головой. Когда он немного успокоился, то потребовал, чтобы вызвали милицию.

– Я этого так не оставлю! – кричал он. – Мерзавец Сабатитни (от волнения он не мог правильно выговорить фамилию) у меня сядет!

– Успокойтесь, голубчик, – уговаривал его все тот же коверный Вася, – не стоит поднимать шума. Вы же пьяны были. Вон и сторож говорит, что видел, как вы возле клеток шастали. Забрели случайно. С пьяным всякое может случиться. Не надо людей волновать понапрасну.

Скандал замяли. Петя, не в силах снести унижения, исчез в неизвестном направлении, а укротитель ходил как ни в чем не бывало.

Впрочем, несмотря на некоторую нелюдимость и склонность к рискованным поступкам, Капитан Блад считался неплохим человеком и пользовался уважением. Уважали его еще и за то, что он очень любил животных, чрезвычайно редко применял физическое воздействие, холил и лелеял своих медведей, как родных детей. И звери, насколько это возможно, были привязаны к нему. И редко выходили из-под контроля.

4

Как уже было сказано, цирковые гастроли в приморском городке подходили к концу. Вместо двух представлений ежедневно давали только одно, да и на нем публики бывало не густо. Отсутствие сбора сказалось и на состоянии труппы. Артисты выступали без обычного блеска, стараясь поскорее отработать номер, но укротитель медведей Сабатини не позволял себе расслабиться. Однако в тот вечер произошло что-то странное.

Как всегда, номер с медведями завершал представление. В нем были заняты шесть животных, старый медведь Сударь, две медведицы, трехгодовалый медведь Яша и два медвежонка. Прodelывали они достаточно обычные трюки: ходили на задних лапах, взбирались на тумбы и по команде перескакивали с одной на другую, изображали бокс, катались на велосипедах и даже на мотоцикле. Между медведями по арене расхаживал сам укротитель, облаченный в блестящий гусарский наряд. Он изредка отдавал команды и поигрывал длинным хлыстом.

В общем-то в командах особой необходимости не было, поскольку животные заучили свои действия до автоматизма. Правда, Яша иной раз показывал норов и пытался уклониться от выполнения какого-нибудь трюка, и тогда кончик хлыста больно щелкал его по ляжке. Но такое случалось редко.

Сегодня Капитан Блад, выйдя на залитую ярким светом арену, сразу же почувствовал, что звери ведут себя как-то не так. На первый взгляд в их поведении не было ничего странного, и все же опыт, а также доставшееся от предков чутье подсказывали: с медведями происходит что-то неладное.

Звери двигались по арене, выполняли привычные команды, но были явно возбуждены. Сначала укротитель решил, что их сегодня не кормили. Однако тут же вспомнил, что сам присутствовал при кормлении. Перед глазами всплыли большие деревянные ушаты, наполненные дымящейся овсянкой и жирной разваренной кониной.

Хотя самым беспокойным среди медведей был Яшка, Капитан Блад в душе побаивался только матерого Сударя. Впрочем, «побаивался» неподходящее слово. Гавриил Лазаренко, он же Габриель Сабатини, не боялся даже черта, не то что какого-то мохнатого увальня, однако знал, что у Сударя непростой характер и что именно от него в случае бунта можно ожидать всего.

– Приготовь брандспойт, – тихо приказал он помощнику.

Тот недоуменно посмотрел на укротителя, но послушно побежал за кулисы. Медведи между тем расселись по тумбам и приготовились к выполнению номера. Обычно они сидели, застыв в ожидании команды, словно гигантские плюшевые игрушки, а сейчас беспрерывно вертелись и озирались на публику. Хуже всего, что Капитан Блад до сих пор не мог понять причину такого их поведения. Сударь вообще повернулся лицом к зрителям и смотрел куда-то на верхние ряды.

«Кто-то в зале раздражает их, – понял дрессировщик, – но кто и почему?» Он тоже глянул в ту сторону, куда смотрел Сударь, но ничего особенного не увидел. Публика как публика...

Однако нужно было начинать номер. Капитан Блад резко щелкнул хлыстом, и медведи нехотя перепрыгнули с тумбы на тумбу. Они выполнили это упражнение, словно в замедленном кино, но все-таки выполнили. Однако звери нервничали все больше.

Капитан Блад понял – приближается катастрофа. Краем глаза он увидел стоящих у края арены пожарного с брандспойтом и помощника с хлыстом. Хоть и маленькое, но успокоение.

Зрители тоже заметили, что происходит нечто странное. По рядам прошел испуганный шумок, люди зашевелились.

Дрессировщик резко прокричал слова команды, но медведи не слушались. Они соскочили со своих тумб и сгрудились на арене.

– На место!!! – заревел Капитан Блад и изо всей силы ударил Яшку по задку. Зверь зарычал, побрел было к своей тумбе, но тут же развернулся и вновь присоединился к остальным.

Среди публики раздались испуганные крики.

Дрессировщик махнул рукой, подзывая помощника, и оба принялись орудовать хлыстами.

Удары не действовали на животных, они неотрывно высматривали кого-то в толпе, шерсть на их загривках поднялась дыбом, а медвежата жалобно повизгивали. Наконец Сударь перебрался через низенькое ограждение арены и медленно двинулся вверх по проходу.

Несмотря на то, что народу в цирке было не так уж много, истерический визг потряс его. Публика, ничего не соображая, в ужасе метнулась к выходам. Люди спотыкались, падали, топтали друг друга. В довершение пожарник запустил свой брандспойт, и струи холодной воды, предназначенные медведям, поливали кого придется.

Сударь, не обращая ни на что внимания, пробирался вверх. Капитан Блад, нещадно хлеща его и матерясь, бежал следом. В цирке стоял невероятный шум. Рычали звери, кричали люди. Словом, светопреставление. И вдруг Капитан Блад увидел того, к кому стремился Сударь. Почти на самом верху в одиночестве сидел мужчина лет сорока пяти и спокойно смотрел на происходящее. На лице его читалось насмешливое любопытство.

Медведь вплотную приблизился к неизвестному и начал его обнюхивать. Тот продолжал все так же отрешенно смотреть на зверя, не проявляя ни малейшего беспокойства. Сударь поднялся на задние лапы. Капитан Блад замер. Вот сейчас случится непоправимое. Человек тоже поднялся, и теперь он и медведь стояли друг против друга в немом ожидании. И тут неизвестный поднял правую руку, и Сударь осторожно лизнул ее, словно принужденный к покорности.

Человек усмехнулся и неторопливо пошел к выходу. Медведь остался на своем месте.

Пораженный всем увиденным, Капитан Блад остолбенело застыл на месте и во все глаза смотрел вслед уходящему. Потом он крикнул:

– Эй, гражданин?!

Неизвестный не обернулся.

– Эй, гражданин! Пойдите!!! – закричал укротитель.

Человек продолжал спокойно идти к выходу.

Тогда Капитан Блад бросился вслед за таинственным гражданином. Однако не тут-то было. Сударь несильно толкнул лапой укротителя, и тот кубарем покатился по ступенькам вниз.

5

А спустя пару дней после описанных событий в приморском городке произошел куда более зловещий и необъяснимый случай.

На прибрежном песке недалеко от кромки прибоя ранним утром был обнаружен труп женщины. Внешний вид тела не оставлял никаких сомнений в том, что несчастная погибла насильственной смертью.

Наткнувшиеся на тело пограничники тут же сообщили в горотдел милиции. Пляж, на котором обнаружили убитую, находился за городской чертой и даже в самый сезон был довольно пустынным. Тем более странно, что в непогоду на нем мог оказаться кто-то из отдыхающих, а женщина, судя по обнаруженным у нее документам, была приезжей. Правда, недалеко от пляжа проходила оживленная автотрасса.

– Итак, что по факту убийства Поволокиной? – поинтересовался спустя неделю после происшествия начальник милиции приморского городка у следователя, ведущего дело.

– Ничего нового, товарищ майор, – смущенно ответил тот.

– Значит, «висяк»?

Следователь неопределенно пожал плечами.

– Скорее всего. Никаких концов. Поволокина из Ижевска, 32 года, разведена. К нам приехала по профсоюзной путевке. Жила в пансионате «Приморский». Оставалось ей отдыхать пять дней. Соседка по номеру ничего определенного сказать не смогла. Характеризует Поволокину как довольно нелюдимую женщину. Отмечает, что погибшая любила гулять в одиночестве в уединенных местах.

– Вот и догулялась, – буркнул майор.

– С мужчинами, по словам той же соседки, как будто не встречалась. Хотя кто знает... Словом, обычная отдыхающая гражданка.

– Гражданка! – передразнил майор. – Кто же все-таки ее грохнул... Может, бывший муж?

– Мы сразу же сделали запрос в Ижевск. Муж из города не выезжал. Кстати, прибывшая мать покойной сообщила, что у Поволокиной с бывшим мужем отношения были нормальные. Так что эта версия отпадает.

– Ну а твои предположения?

– Слишком необычен способ убийства. Уж больно зверский. Грудь разорвана, словно ее кромсал мясник, голова почти отделена от тела.

– Кстати, чем ее убили?

– Экспертиза затрудняется ответить.

– Ну и работнички!

– Говорят, что вроде бы острым широким ножом или даже предметом с несколькими лезвиями.

– Я не понимаю, что значит «вроде бы»? Почему даже такую простую вещь, как выяснение орудия убийства, не могут определить с полной достоверностью?!

– Они говорят, что очень похоже на то, как если бы ее терзал какой-то крупный зверь. Тигр, к примеру, или медведь...

– Что за глупости! Откуда у нас тигры?

– В цирке гастролирует номер с дрессированными медведями.

– Ты хочешь сказать, что один из этих цирковых мишек вырвался на свободу и сожрал курортницу? Кстати, тут мне рассказывали: на днях у них в шапито случилось ЧП. Эти самые медведи вроде как взбунтовались.

– Я в курсе. Ничего особенного там не произошло. Просто звери на короткое время вышли из повиновения. И при этом возникла небольшая паника. Народ у нас нервный. Жертв нет, не считая того, что дрессировщик вывихнул руку при падении со ступенек. Да еще в давке несколько человек получили ушибы. Кстати, звери сразу же успокоились и без всякого насилия вернулись в клетки. Ни одно животное не покинуло пределы цирка. Да и убийство произошло раньше.

– Мало ли что раньше! А если какой-нибудь из зверюг все же вырвался на свободу и наделал дел? Нам, естественно, об этом не сообщили. Решили скрыть.

– Пляж, на котором была найдена убитая, находится в десяти километрах от места, где расположилось шапито. Вряд ли медведь мог забрести так далеко, а потом вернуться, да так, что его никто при этом не видел. Подобные предположения были и у меня, но я тщательно все проверил. Животные из клеток за указанный период не сбегали. Конечно, интересно было бы предположить подобный вариант, тем более что мы бы сразу прогремели на всю страну, но увы... Мишки сидели в своих клетках.

– Ты, я вижу, иронизируешь. Юморист! А есть ли повод для шуток?! По-моему, нет! Тут не до хиханек да хаханек. Убита трудящаяся женщина, мать двоих детей! Не какая-нибудь шалашовка. Если дело зависнет, возможен скандал и оргвыводы. Каково все-таки твое мнение?

– Мне кажется... – Следователь на несколько секунд замолчал, наморщил нос и неуверенно закончил: – Ее убил какой-то маньяк.

– Вот! На тебе!!! Только маньяков не доставало! Ничего подобного в нашем городе еще не случалось, а ведь сюда едут люди со всей страны. Если твое предположение верно и об этом станет известно, ты представляешь, чем все может обернуться! Не поедут к нам люди! Не поедут!!! Скажут: у них маньяк орудует. Какой уж там отдых. А это пахнет не оргвыводами, а кое-чем похуже. Можно и партбилета лишиться. Надеюсь, ты это понимаешь! То-то! Так что ищи, дорогой товарищ, обычного нормального убийцу, а извращенцев нам не надо!

6

Чем больше размышлял о случившемся славный укротитель зверей Габриель Сабатини, тем сильнее его охватывало смятение. Он считал, что знает своих медведей, как самого себя, и вдруг такое...

Конечно, гастроли пришлось досрочно завершить. После досадного инцидента, который тут же стал широко известен, народ в цирк и вовсе перестал ходить. Директор и администратор выражали крайнее неудовольствие: об инциденте к тому же сообщили в руководящие сферы и, хотя все закончилось относительно благополучно, следовало ожидать больших неприятностей.

Впрочем, возможные последствия вовсе не беспокоили укротителя. В конце концов работа всегда найдется. Тем более что подобный случай в практике Капитана Блада был единственным. Арен на его век хватит. В «звезды» он не рвется, а народ требует зрелищ. Другое, совсем другое волновало укротителя. Что это все же за странный человек, который сбил с толку его зверей? Почему он обладает такой силой?

Сразу после того как Сударь свалил его с ног, укротитель, несмотря на острую боль в левой руке, кинулся искать незнакомца, но тот затерялся в возбужденной толпе, да и сам Капитан Блад вовремя опомнился и бросился загонять медведей в клетки. К его удивлению, звери беспрекословно последовали на свои места. С исчезновением странного человека возбуждение

у зверей мгновенно прошло. На следующий день, несмотря на некоторую нервозность, царившую в цирковой труппе, он бросил все дела и отправился на поиски. Почти целый день бродил укротитель по городку в надежде встретить незнакомца. Раза три прошелся по набережной, побродил по улицам, зашел в несколько ресторанов и кафе, но, увы, поиски были напрасны.

Кстати, он даже не мог четко вспомнить, во что был одет таинственный гражданин. И только лицо незнакомца стояло перед ним словно на фотографии. Ничем не примечательная физиономия: желтоватые глазки, прямой нос, тонкие, насмешливо изогнутые губы. Обычное лицо, каких миллионы. Кто или что скрывается за ним? Почему он словно магнитом притянул к себе медведей?

Цирковая братия, несмотря на определенную робость перед укротителем, тоже пыталась выяснить, что же произошло. Но на осторожные вопросы он только пожимал плечами и изображал полнейшее недоумение. Даже помощнику не удалось прояснить ситуацию. Да и что Капитан Блад мог объяснить?

Однако какие-то смутные воспоминания, давно забытые рассказы, слышанные в детстве от бабушки, от старых цыган, стали оформляться в неясные пока еще догадки. Вечером он сидел на ступеньках своего вагончика, курил, смотрел на ущербный диск луны и что-то едва слышно бормотал себе под нос по-цыгански. Потом укротитель хлопнул себя по ляжке, поднялся, перекрестился, глядя на луну, и пошел к зверям. Он приблизился к клетке Сударя, который только что поел и теперь огромной темной грудой густого меха лежал на полу.

Медведь увидел хозяина и едва заметно шевельнул ушами. Взгляд маленьких глазок встретился с глазами укротителя, и тому показалось, что он прочел в них насмешливую укоризну.

– Сударь? – позвал укротитель.

Медведь приподнял голову.

– Ты не обижайся на меня, – сказал укротитель по-цыгански, – я же не знал...

Медведь, казалось, понял. Он вздохнул и положил огромную голову на лапы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Из глубины веков, из неведомых запредельных далей приходят они в материальный мир. Все кругом просто и ясно. Причинно-следственные связи четко прослеживаются словно переплетение разноцветных линий на огромной схеме. Все правильно в мире, все логически объяснимо: материализм, базис, надстройка плюс прибавочная стоимость... «Наш паровоз вперед летит...» И вдруг... Все ломается, рушится словно случайно, а может, намеренно, сдвинутое неведомой рукой. И жизнь, казавшаяся такой налаженной и ясной, в один миг превращается в темный бездонный омут, из которого ни за что не выбраться на чистое безопасное мелководье. А будущее, в котором вы видели себя словно в незамутненном зеркале, вдруг исчезает в туманной пелене. Треснуло зеркало, пошло черными извилистыми линиями и расколосось. А жизнь?.. О Боги!..

2

1938 год. Югорск

К началу 1938 года семейство Пантелеевых волею судеб оказалось в маленьком заштатном городишке Югорске. Городок этот, основанный чуть ли не казаками из ермаковской дружины, расположился на той, почти условной, линии, где Уральские горы и леса переходят в бесконечный океан сибирской тайги. И хотя Югорск насчитывал несколько сотен лет своей истории, изменения в нем происходили крайне редко. Конечно, недавние события – революция, гражданская война, социалистическое строительство – коснулись и его, но многовековой уклад довлел над всем. Крепкие одноэтажные дома, сложенные из почти не поддающихся гниению лиственничных бревен, составляли большинство строений города. Несколько церквей, крохотный металлургический заводик, лавки да лабазы – вот и все, на чем мог остановить взгляд приезжий человек. Впрочем, и приезжих здесь случалось едва ли много.

Через месяц после февральских событий 1917 года в Югорске образовался Совет, через месяц после октябрьских – власть перешла в руки большевиков. В девятнадцатом году город захватили колчаковцы, а уж с двадцатого в нем всерьез и надолго установилась Советская власть. Вскоре церкви позакрывали, из нескольких лесных деревушек, расположенных рядом с Югорском, создали колхоз «Светлый путь», а на заводик приехали инженеры из Москвы, чтобы решить, нельзя ли превратить его в гигант черной металлургии.

Но все эти события почти не касались горожан. Повздыхали, конечно, по поводу разорения храмов, поохали, слушая о безобразиях в колхозе «Светлый путь», где в одночасье переходили все коровы, похихикали по поводу перспективы создания в Югорске небывалого завода и снова неторопливо зажили за высокими заборами да тесовыми воротами. Вековая тишина покрывала город невидимым колпаком.

Однако колпак этот оказался не очень прочным, потому что очень скоро стальное колесо перемен докатилось и до этого захолустья.

3

В начале тридцатых годов в городке появились первые ссыльные. Ссылными в Югорске отродясь никого не удивишь. Да что там не удивишь. Можно сказать, весь городок состоял из потомков этих самых ссыльных. Первые опальные людишки обосновались здесь аж при Борисе Годунове. Еще и теперь любопытствующим показывали остатки ям, в которых сидели боярин Никитка да боярин Анкудинка. Боярин Никитка, кстати, не вынес сидения в яме, в ней же и скончался, впоследствии, уже посмертно, обретя славу мученика и чудотворца. В городском краеведческом музее можно увидеть цепи, в которых бедовал сей боярин. Потом началось Смутное время, и снова Югорский острог, как он тогда назывался, пополнился новыми опальными. Сиживали здесь поляки Заруцкого и казаки Болотникова, дворовые люди Лжедмитрия и гайдуки Марины Мнишек. А дальше... Очередной правитель исправно поставлял в Югорск новых обитателей. Мятежные стрельцы и пленные шведы при Петре, камердинер светлейшего князя Меншикова, чуть позже много разного народу при Анне Иоанновне и Бироне, потом пугачевцы, польские конфедераты, несколько пленных наполеоновских солдат, пара второстепенных участников Декабрьского восстания, опять поляки, «петрашевцы», снова поляки, народники и, наконец, марксисты разных толков, анархисты и эсеры. Кто только не побывал в Югорске!

«Томился» здесь и кое-кто из тех, чья звезда ярко вспыхнула после октября семнадцатого года.

Большинство ссыльных, если, конечно, они сумели выжить, возвращались рано или поздно на «Большую землю», однако многие пустили корни в Югорске. Среди жителей городка встречались польские, шведские и даже французские фамилии. Конечно, носители их давным-давно обрусели, но нет-нет да и вспоминали с гордостью свою родословную.

Однако в конце двадцать девятого года в Югорске появились такие ссыльные, каких до сей поры здесь не видавали. Однажды в солнечный октябрьский денек после обеда через город проследовала большая колонна худых, изможденных людей, среди которых, кроме мужчин, были женщины и даже дети. Обитатели городка высыпали на улицу и с испуганным любопытством всматривались в черные, донельзя исхудавшие лица, потухшие глаза. Люди, тащившиеся в колонне, представляли собой словно единую, свалывшуюся, грязную, оборванную массу, напоминавшую громадную издыхающую змею, из последних усилий ползущую по пыльной дороге. Колонну охраняли суровые красноармейцы, державшие наперевес винтовки с прижатыми штыками.

«Раскулаченные...» – прошелестело по рядам югорцев.

– Хлеба... хлеба... – слышалось из колонны.

Сердобольные горожанки кинулись по домам и скоро вернулись с разной снедью, которую, не обращая внимания на грозные окрики конвоя, стали бросать в толпу.

Колонна заключенных проследовала через город и исчезла в тайге, где, как говорили, для них был выстроен лагерь. После ее прохождения на улице осталось лежать несколько бездыханных тел, которые к ночи сволокли на городское кладбище.

С той поры подобные зрелища стали для города обычным делом и уже никого не удивляли.

А вскоре в городок начали прибывать и одиночные ссыльные, точно такие же, какие прибывали сюда на протяжении трехсот лет. Встречались даже те, кто отбывал здесь ссылку еще при царизме.

«И все возвратилось на круги своя...» – заметил по этому поводу бывший священник Спасо-Никольского храма отец Елифан, ныне служивший сторожем при складе валенок, который организовали в помещении одного храма.

Время шло, волна репрессий достигла и самого Югорска. Первой жертвой пал некий Кронборг, преподававший историю в местной восьмилетке, кстати, потомок ссыльного шведа. Несчастный историк был обвинен в шпионаже в пользу Германии. Очень скоро в городке нашлись и другие «шпионы», а также «члены подпольной монархистской организации». Получил «пять по рогам» и престарелый отец Епифан. Сравнительно мягкий приговор, если учесть, что он безбоязненно пророчествовал на всех углах о скором пришествии антихриста.

Югорцы притаились по своим берлогам. Ранее непрерывно ходившие друг к другу в гости, где под водочку и нескончаемые пельмени калякали о том о сем, они теперь носа из дому не показывали. Появление на улице уполномоченного НКВД Козулина вызывало панику, и улица мгновенно пустела. Козулин был свой, местный. «Ивашка с завода». Никто его раньше всерьез-то не принимал. Но вот вступил хлопец в комсомол, отслужил действительную и пошел шагать и шагать вверх. Даже директор завода товарищ Кумов, первая в городе величина, и тот лебезил перед вчерашним Ивашкой.

«Разверзлись хляби небесные, и мрак пал долу», – как изрекал все тот же отец Епифан.

4

Однако врач городской больницы Василий Львович Пантелеев, о котором пойдет наш рассказ, был вовсе не из числа ссыльных. Вместе с семьей он приехал в Югорск если и не по доброй воле, то, во всяком случае, не под конвоем. А дело было так.

Василий Львович, происходивший из потомственных дворян Калужской губернии, с детства мечтал стать медиком. Семейство Пантелеевых, хотя и выводило свой род аж из шестнадцатого века, к веку нынешнему довольно сильно поскудело. Именьице было заложено, пере-заложено и наконец продано. Тогдашний глава семейства Лев Львович, большой любитель азартных игр, в молодые годы переехал в Санкт-Петербург и определился по таможенному ведомству. Помогли связи и столбовое дворянство. Чуть позже он женился на купеческой дочке Грибковой, влюбившейся в бравого таможенника без памяти. Купеческая дочка принесла в дом неплохое приданое, и молодые зажили, что называется, душа в душу. Все бы хорошо, но увлечение господина Пантелеева картами вносило определенный разлад в семейные отношения. Приданое жены вскоре было проиграно, и семейный очаг дал трещину. Однако, несмотря на его коптящий чад, семья все-таки не развалилась.

Таможенник играл, купеческая дочь читала французские романы и устраивала своему благоверному почти ежедневные скандалы, а их отпрыски росли как цветочки в чистом поле, предоставленные самим себе.

Детей в семье было трое. Старший – Лева (в семействе Пантелеевых существовала традиция называть первенца Львом), за ним шла дочь Ксения и замыкал троицу Вася.

Если Лева с молодых ногтей стремился стать военным и желал служить в гвардии, то Вася, как уже сообщалось, мечтал о медицине.

Ксения в отличие от братьев была девушкой практичной и думала только об одном – как бы удачно выйти замуж.

Не будем вдаваться в судьбы старших отпрысков семейства Пантелеевых, обратимся к судьбе Василия. Над его кроватью висел фотографический портрет великого хирурга Пирогова, и перед сном мальчик часами разглядывал волевое лицо и пышные бакенбарды Николая Ивановича и представлял себя на его месте, среди порохового дыма и свиста картечи, в парусиновом шатре, проводящим сложнейшие операции. Возможно даже, что в ходе сражения будет ранен кто-нибудь из членов августейшей фамилии, а может быть, и сам государь император, и он – Василий Пантелеев – врачует царя, и в благодарность государь делает его графом, или князем, или, на худой конец, главным смотрителем императорских госпиталей.

Детские мечты переросли в серьезное увлечение. Сколько лягушек погибло под ланцетом будущего светила, и сколько повязок было наложено кошкам и собакам, и, когда Василий поступил на медицинский факультет Санкт-Петербургского университета, все восприняли этот факт как должное.

Курс был окончен с отличием, и многообещающий адъютант оставлен при одной из кафедр. Все, казалось, складывалось наилучшим образом. Но на беду грянула первая мировая война. Прочитав в «Русском слове» сообщение о сараевском убийстве, Пантелеев довольно быстро сообразил, какое может быть продолжение у этого события. Война не пугала его. Наоборот, детские мечты, порожденные чтением жизнеописания Н. И. Пирогова, наконец-то обретали реальное воплощение. Он, конечно, понимал, что на фронте будет совсем не так, как представлялось в сладких мечтах, и все же оказался в рядах добровольцев. Впрочем, скорее всего он все равно так или иначе был бы мобилизован.

Вместе с военно-полевым госпиталем, к которому он был прикомандирован, Пантелеев сразу же попал, что называется, в самое пекло, в 8-ю армию, осаждавшую Перемышль. Занесенные снегом карпатские перевалы, раненые и обмороженные, непрерывные, выматывающие операции – все это оказалось так непохоже на идеализированные представления Пантелеева о войне. Однако он не потерял силы духа. Напротив, усердие и самоотверженность оказались замечены, и в скором времени его назначили начальником госпиталя. Не обходили молодого врача награды. Когда летом 1915 года он встретился с братомевой, который служил поручиком в лейб-гвардейском Измайловском полку, тот завистливо взирал на орден Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, украшавший грудь Василия.

– Неплохо воюешь, братец, – одобрительно сказал он, но в ответ получил лишь холодную улыбку. Прошедший кровавую мясорубку и насмотревшийся на ужасы войны, Василий Пантелеев потерял всякие иллюзии и относился к наградам равнодушно. Пропала и патриотическая самоотверженность, которая отличала его в первые месяцы пребывания на фронте, остались тяжкая, изнурительная работа и долг. Долг врача.

Войне, казалось, не видно конца. И в окопах настроения стали меняться. Василий всегда был чужд политики, но и он заразился общими настроениями и стал вместе с другими повторять, что их предали, что во дворце и ставке засели изменники и казнокрады. Глухое брожение кончилось февралем семнадцатого. Тут-то и началось самое страшное. Три года фронта, реки крови, миллионы человеческих жизней, принесенных в жертву неизвестно чему. Когда Пантелеев начинал думать об этом, у него страшно болела голова – результат контузии, которую он получил, когда бомба, сброшенная с австрийского аэроплана, взорвалась рядом с лазаретом. Голова, конечно, поболит и пройдет, а что будет с Россией – этот вопрос не давал покоя Пантелееву. Вернувшись с фронта домой, он болтался без дела по весеннему Петрограду, слушал ораторов на митингах, с отвращением перелистывал пахнущие керосином страницы газет, и на душе у него было смутно.

Фронт почти развалился, немцы продолжали наступать, а дома наблюдался пир во время чумы. И Василий решил уехать из столицы. Был он одинок, отец с матерью к тому времени уже скончались, сестра вышла замуж за высокопоставленного чиновника Министерства путей сообщения. Ничто не удерживало его в Петрограде, и Пантелеев решил отправиться в Крым отдохнуть и развеяться. Кое-какие средства у него имелись, так что ближайшее будущее было обеспечено.

Лето и осень семнадцатого года показались ему самой лучшей порой жизни. Ничего подобного он еще не испытывал. Купался, загорал до черноты, вел легкое, бездумное существование. Газет не читал, а услышанные краем уха новости из столиц почти не воспринимал. Так же равнодушно встретил он весть о том, что в Петрограде какие-то большевики захватили власть. «Пусть бесятся», – решил он, услышав странное сообщение от соседа по гостинице, и отправился в татарский ресторанчик есть чебуреки и пить свежее виноградное вино.

Крым казался незыблемым островком в океане взбудораженной страны. Но Пантелеев решил создать себе собственный маленький остров, не доверяя никому и ничему. Он купил у какого-то болгарина крохотный виноградник вместе с такой же крохотной хижинкой и решил зажить робинзоном.

Виноградник расположился на крутом склоне горы, обрывающейся в море. К воде вела извивающаяся среди скал тропинка. Неподалеку бил родник. Вместе с виноградником Пантелееву досталось несколько бочек соленого сала и кое-какие инструменты. Именно здесь он и решил переждать смуту, которой, как он полагал, скоро придет конец. Кругом царили абсолютная тишина и безлюдье. Правда, до соседнего городка было рукой подать.

Однако спокойствие оказалось весьма обманчивым. В декабре семнадцатого года власть в Крыму захватили большевики, но почти сейчас же их свергли местные националисты, которые тоже провластвовали всего несколько недель. И вновь Крым стал советским. Не прошло и трех месяцев, как советских поперли немцы, а их англичане и французы. Неожиданно на полуострове вновь объявилась Красная Армия, которую через два месяца выбили войска Деникина. Полтора года в Крыму, как в калейдоскопе, менялись власти, партии, флаги.

Все это веселое время Пантелеев сидел на своем винограднике и только от соседки, приносившей изредка козье молоко, узнавал, что происходит в большом мире. Он без особого интереса выслушивал причитания старухи, жаловавшейся на разруху и дороговизну, и, рассчитавшись с ней за молоко пачкой завернутого в кукурузные листья рубленого самосада, отправлялся купаться на море. С пропитанием не было особых проблем. Овощи росли в огороде, из кукурузной муки он пек отличные лепешки и готовил мамалыгу, которую сам и поедал, запивая козьим молоком. Ему было в высшей степени наплевать, что происходит вокруг. Очень редко он отправлялся в городок и покупал там несколько растрепанных книг, которые не торопясь читывал длинными вечерами при свете самодельной свечи. Особенно его мысли занимал Монтень.

«Может быть, это и не рай, но что-то очень похожее», – часто мысленно повторял он. Никто его не беспокоил. Людей, решающих мировые проблемы, не интересовал какой-то там докторишка. У него был свой остров.

Но всему приходит конец.

5

Как-то в жаркий июльский денек Пантелеев (в самый зной он предпочитал спать в шалаше на винограднике) был разбужен непривычными звуками. Он прислушался. Звякала явно плохо подогнанная солдатская амуниция. «По мою душу пришли», – сразу же понял бывалый военврач.

– Есть здесь кто-нибудь живой? – услышал он приятный тенорок.

Василий вылез из шалаша.

Возле его хижинки стояли два солдата и офицер с погонами штабс-капитана – господин средних лет в пенсне и с аккуратнейшим пробором на прилизанной головке.

– Что вам угодно? – поинтересовался Пантелеев.

Офицер с некоторым удивлением оглядел фигуру хозяина виноградника, облаченную в холщовые штаны и домотканую рубаху. Взгляд его остановился на заросшей голове и всклокоченной бороде Пантелеева. Он недоуменно поморщился, достал из кармана кителя бумажку и близоруко глянул в нее.

– Имею честь видеть перед собой Василия Львовича Пантелеева? – с сомнением спросил он.

– Имеете.

Офицер изумленно посмотрел на хозяина и в негодовании затряс головой, отчего пенсне соскочило с его носа и повисло на шнурке.

– Как же так?! – воскликнул он. – В то время как доблестная Добровольческая армия сражается с полчищами красной сволочи, некоторые господа, вообразившие себя, видите ли, робинзонами, прохлаждаются в куцах.

Пантелеева насмешило слово «кущи», и он улыбнулся.

– Вы еще и смеетесь! – офицер явно еще больше вышел из себя. – Боевой офицер, кавалер орденов, врач, в конце концов, и – дезертир. Вы нарушили присягу!

– Я не нарушал присяги, – спокойно ответил Пантелеев. – Царя, как известно, скинули, а присягу я давал именно ему. Поэтому увольте.

– Нет уж, увольте вы! – закричал штабс-капитан. – Государь император действительно отрекся от престола, но Добровольческая армия, которую возглавляет Антон Иванович Деникин, – правопреемник императорской, и никто вас от присяги не освобождал. И не надо разводить ненужных дискуссий. И так уж додискутировали господа Родзянки и Милюковы. Хватит! Извольте привести себя в человеческий вид и немедленно явиться на сборный пункт: вы мобилизованы. А если вы забыли цену присяги и офицерской чести, то существует военно-полевой суд! И не вздумайте откалывать коленца, с контрразведкой шутки плохи. Военных врачей катастрофически не хватает, а он тут, видите ли, виноград выращивает. Еще один Жан-Жак Руссо выискался! Если завтра к восьми утра вас не будет на мобилизационном пункте, пеняйте на себя. Дорогу сюда вы знаете? – обернулся он к солдатам.

Те, до сих пор переминавшиеся с ноги на ногу и глазевшие по сторонам, в один голос рявкнули:

– Так точно!

И началась для Пантелеева гражданская война.

Без госпиталей, как известно, не бывает ни одной войны, поэтому работы у него хватало. Однако если на австрийском фронте он руководствовался сначала самоотверженностью и патриотизмом, потом чувством долга, то теперь им двигал один лишь инстинкт самосохранения. Василий очень хотел выжить. Ни кровь, ни страдания окружающих его уже почти не волновали. «Выжить, главное выжить», – повторял он себе.

Практически все время он оставался на передовой. Попал в плен под Касторной и тут же очутился в противоположном лагере – в красноармейском госпитале. «Или будешь пользоваться наших, или в расход» – так сказал ему большевистский комиссар. В тот момент все было просто: не с нами, значит, чужой, а коли чужой – становись к стенке. По правде говоря, Пантелеев и сам не знал, с кем он. Поэтому у красных продержался недолго. Вскорости оказался у махновцев, потом сбежал и оттуда.

О его похождениях в гражданскую войну можно было бы написать отдельный роман. Пережив массу головокружительных приключений, он в начале 1922 года оказался в Петрограде. Без связей, без средств к существованию, оборванный, голодный, он бродил по знакомым улицам и мучительно размышлял, что же делать дальше. Именно мучительно, потому что страшно хотелось есть.

А в университете, куда он явился на второй день своего пребывания в Петрограде, его никто не помнил. Большинство профессоров и преподавателей бесследно стинули, а пережившие лихолетье старались никого не узнавать. На бирже труда от него отмахнулись, поскольку не было никаких документов. И он бесцельно бродил вдоль каналов, посматривал на свинцовые воды Невы и подумывал о самоубийстве. Помог случай. Василий неожиданно встретил своего однополчанина. В свое время удачной операцией спас ему ногу. Тот узнал его, обрадовался, чуть ли не кинулся целовать. Стал расспрашивать его, как и что. Услышав, что Пантелеев помирает с голоду, отвел в ближайшую харчевню, накормил... Участливо загляды-

вая в глаза, поинтересовался, что думает делать дальше. Когда услышал, что документы отсутствуют, посерьезнел, нахмурился.

– Да, скверно. Сейчас, ты знаешь... – не договорил, закурил, задумался. – Впрочем, есть выход. Я служу заведующим санпропускником. Могу взять к себе медбратом. Паек хороший. Насчет жилья? Можешь жить пока при больнице. Места хватит. Работа, сам понимаешь, грязная. Но выбирать тебе не из чего. Так что соглашайся. А что касается документов – твоя проблема.

И все наладилось, если не в один день, то значительно быстрее, чем он ожидал. Сначала удалось восстановить диплом, потом он явился в милицию, чистосердечно рассказал о себе все или почти все. В результате он получил временное удостоверение личности.

Ненавистный санпропускник оставлен, и наш герой оказался в одной из больниц Петрограда на должности штатного хирурга. Следом удалось отхлопотать комнату в огромной коммунальной квартире. А через год Василий Пантелеев женился. Избранницей его оказалась девица Анна Бирс, происходившая из дворян Санкт-Петербургской губернии. Анюта, как называли ее все без исключения друзья и знакомые, была румяной, светловолосой и высокой и походила скорее на чухонку с Охты, чем на барышню из аристократической фамилии. Да и повадки у нее оказались вовсе не дворянские. Она любила петь озорные частушки, а чуть-чуть выпив разведенного спирта, и вовсе могла загнуть что-нибудь в духе «кронштадтского братишки». Надо заметить, что некоторое время она проработала пишбарышней, так называли тогда машинисток в Центробалте, где, видимо, и набралась матросских словечек. Улыбаясь своими серыми, навывкате, большими глазами, она с ног до головы оглядела нашего героя и нахально подмигнула ему. Пантелеев был покорен с первой минуты. Познакомил их брат Анюты, тот самый заведующий санпропускником, который так помог Пантелееву в первые дни возвращения в родной город. Молодые зажили в своей комнатухе, а вскоре у них родилась дочь Евгения.

Все было бы хорошо, быт постепенно наладился, и жить стало веселей, но судьба Пантелеева сделала новый зигзаг. Впрочем, подобные зигзаги происходили в те времена с судьбами многих граждан молодой Страны Советов.

6

Летом двадцать пятого года Василий Пантелеев получил письмо от родного брата Левы, который, как выяснилось, обрелся в городе Париже. Братец прислал весточку не обычным способом, а через нарочного, который, вручив письмо, остался у Пантелеевых обедать, очень мило шутил с Анютой и Василием и делал «козу» маленькой Жене. Гражданин этот, представившийся поручиком Ковалевским, сообщил, что он приехал в Совдепию нелегально, попросил приютить его на одну ночь. Кстати, парижский братец в письме настоятельно советовал оказывать его подателю всяческую помощь. Кроме того, брат сообщал, что в Париже он работает настройщиком музыкальных инструментов и живет сравнительно неплохо. Он рассказал о некоторых знакомых, поинтересовался, нет ли у Василия сведений о судьбе их сестры Ксении, и в заключение приглашал брата вместе с семьей в Париж.

– Откуда же он узнал мой адрес? – поинтересовался несколько удивленный Василий.

– Это несложно, – спокойно ответил поручик Ковалевский, – у нас отлично поставлена разведывательно-информационная работа. – Гость выпил пять рюмок водки, она только что снова появилась в продаже, и сообщил, что является секретным посланцем Русского общевосточного союза, руководимого Врангелем.

Странная словоохотливость начала раздражать Василия, который хотя и не был трусом, но, хлебнувши лиха, поневоле стал осторожным. Скрепя сердце он все же оставил гостя ночевать в своей комнате.

На рассвете посланец барона Врангеля покинул гостеприимный кров и уже больше никогда у Пантелеевых не появлялся. Василий почти забыл о нем, но месяца через три ему неожиданно напомнили о Ковалевском в весьма серьезном учреждении на Литейном.

В ЧК Пантелеев просидел около месяца. На допросы его вызывали довольно редко, однако Василию казалось, что следователю все про него известно. На первом допросе он интересовался адресами других членов тайной монархической организации. Василий чистосердечно заявил, что никого не знает, поскольку в организации не состоит. Тогда следователь сообщил, что арестованный Ковалевский показал на него как на хозяина явочной квартиры. Вне себя Пантелеев стал доказывать, что Ковалевского видел всего один раз, и тот запомнился ему исключительно умением пить водку, не закусывая. Однако следователя этот факт в невиновности Пантелеева, по-видимому, не убедил, потому что его вызывали еще несколько раз и настоятельно требовали подробности о секретной организации, руководимой из Парижа.

В последнюю встречу следователь некоторое время разглядывал осунувшееся лицо Василия, и в глазах его читалось явное сочувствие.

– А я тебя помню, – неожиданно сказал он.

Василий удивленно поднял глаза.

– Ты уже был адъютантом, а я учился на втором курсе, ты у нас еще вел практикум по гистологии. Так вот, дорогой Василий Львович, на твоё счастье, я проявил некоторое участие к однокашнику, если ты позволишь таковым себя считать.

Василий озадаченно кивнул.

– И благодари Бога или еще там кого, что попался именно мне. Я, конечно, понимаю, что ты во всей этой истории ни при чем, но тем не менее позволь сказать, что ты большой дурак. Неужели, пройдя гражданскую, ты так ничему и не научился? А ведь у тебя семья! Дело-то расстрельное. Шлепнули бы тебя, и концы в воду. Брат, видите ли, ему письмо прислал! Брат твой в Париже, а ты тут. Да и биография твоя. – Он хмыкнул. – Сейчас ты, будучи врачом, нужен Советской власти, а может настать время, что станешь не нужен. И тогда вспомнят все: службу у Деникина и Махно, дворянское происхождение, брата в Париже... Мы тебя выпускаем пока... И смотри, не делай больше глупостей. А вообще я бы на твоём месте уехал из Питера и постарался где-нибудь затеряться. Лучше в глухой провинции. Страна большая...

Но Пантелеев не внял предупреждениям доброго чекиста. Ему, да и многим в то время казалось, что вот-вот все пойдет по-старому. Успешно разлагался нэп и заражал своим гниением все вокруг. Частная инициатива процветала. Из города на Неве никуда уезжать не хотелось.

Но все когда-нибудь кончается.

Завершалась и новая экономическая политика. Частник, придавленный налогом, стонал и задыхался. То тут, то там закрывались магазинчики, заводишки, лавчонки, а их владельцы исчезали неведомо куда. Василий Львович обращал на это мало внимания. Он был занят работой и семьей. Аня не служила, вела домашнее хозяйство, бегала по магазинам, общалась с подругами. В семействе Пантелеевых завелись кое-какие средства, потому что Василий Львович завел небольшую частную практику. Иногда по ночам, лежа рядом с женой, он строил планы на будущее и тогда, случалось, вспоминал о предостережении чекиста. Однако Аня была склонна видеть в этом всего лишь невнятную угрозу. «Припугнуть он тебя хотел, – шептала она, – на испуг взять. Они это любят. Если обращать на все внимание, то и жить не стоит. Подумать только – уехать из Питера. Куда? Зачем?» И она потесней прижималась к супругу, затыкая ему рот поцелуем.

1928 год принес в семейство Пантелеевых прибавление – в январе родился мальчик, которого назвали Сергеем, а спустя полгода Василий Львович был вторично арестован. Продержали его недолго, к следователю вызывали лишь однажды, но на этот раз все обернулось значительно хуже, чем в двадцать пятом году.

Сидел он в «Крестах» в громадной, полной народа камере и из разговоров окружающих понял, что, видимо, проводится грандиозная чистка. Вокруг него находились такие же, как он, люди, прошедшие гражданскую войну в белой армии, нэпманы, дворяне, остатки столичной интеллигенции. В подавляющем большинстве они не состояли во враждебных организациях и относились к власти лояльно и поэтому, не чувствуя за собой вины, терялись в догадках по поводу причин своего ареста. Наконец прошел слух, что из Ленинграда будут высылать всех неблагонадежных с точки зрения властей. Город Ленина должен быть чист от всякого рода сомнительной публики, в первую очередь от бывших офицеров и дворян.

Слух подтвердился. Следователь сухо напомнил Пантелееву о службе в Добровольческой армии, о дворянском происхождении и, наконец, пусть косвенном, но участии в контрреволюционной организации. Затем он вручил Пантелееву постановление о высылке его из города в сорок восемь часов. Пунктом, в который следовало прибыть Василию Львовичу, был Свердловск.

– Но у меня семья, только что родился второй ребенок, – пытался возражать Пантелеев.

– Семья может остаться в городе, – равнодушно сообщил следователь, – хотя жена ваша тоже потомственная дворянка... – Он не договорил и снова уткнулся в бумаги.

Нужно сказать, что известие о высылке мужа Анята восприняла достаточно хладнокровно.

– Что ж, – сказала она, – все правильно, тебя предупреждали. Должно было случиться и случилось. Поезжай, осмотришься, врачи везде нужны, а следом приедем и мы. Не стоит предаваться отчаянию, как-нибудь устроимся. – И в конце июля 1928 года Пантелеев прибыл в Свердловск.

О Свердловске, или по-старому Екатеринбурге, Пантелеев знал лишь только то, что там в восемнадцатом году была расстреляна царская семья. Город не произвел на него особого впечатления – маленький, очень провинциальный, сплошь застроенный одно–полуполтораэтажными домами, и только центр несколько отличался от общего уровня и с натяжкой, но имел европейский фасад.

Прямо с вокзала Василий Львович направился в областное управление ОГПУ. Здесь зафиксировали, что он явился, и отправили устраиваться на работу.

– Но я врач, – растерянно заявил он.

– Вот и хорошо, – услышал в ответ. – Врачей нам не хватает. Отправляйтесь в облздравотдел, получите направление и приступайте. Если останетесь в городе, должны еженедельно отмечаться в комендатуре ОГПУ, если вас пошлют за пределы Свердловска, будете отмечаться по месту жительства. В любом случае вы должны сообщать о своем дальнейшем местонахождении. – И Пантелеев отправился устраиваться на работу.

Начальник отдела кадров облздравотдела некоторое время рассматривал его диплом, справки и рекомендации, потом поднял на Василия Львовича глаза.

– Значит, высланный? – без особого интереса спросил он.

Пантелеев кивнул.

– Послужной лист у вас приличный. Работа, конечно, найдется, особенно сейчас. Народу в городе значительно прибавилось, открываем новую больницу, туда как раз нужны хирурги. Я думаю, в скором времени людей здесь окажется еще больше. Как пишут в газетах, впереди гигантское строительство... Вы с семьей? Да ведь все равно приедут. Сейчас же нужно побеспокоиться о жилье. Снимите квартиру в городе, это здесь просто. Но нужно поспешать. Впрочем, если хотите, может, направить вас куда-нибудь в район? Там, конечно, свободы больше, хотя в бытовом отношении... – Он поморщился.

– А куда, например? – заинтересовался Пантелеев.

– Да куда угодно, доктора везде нужны. Вот хотя бы в Югорск. Туда требуется заведующий городской больницей. Его сейчас замещает фельдшер, древний старик.

– А прежний заведующий где?

Зав. кадрами усмехнулся:

– Он того... Один жил... Без семьи. Конечно, пил, а потом к морфию пристрастился. А чего ему? Добро это бесплатное. Вот он и рад стараться. Пришлось убрать, уж больно много на него сигналов поступало. Рану перевязать не мог, не то что операцию провести. Югорск, конечно, дыра. Городишко крохотный, кругом леса, и далековато от Свердловска... А то смотрите. Для вас, может, к лучшему, чтобы подальше. При больнице для врача и дом имеется, хороший дом, каменный, комнат, наверное, пять или шесть. Старой постройки, на славу сработан. Я в нем бывал, поэтому за свои слова отвечаю. Да и доктор в Югорске весьма уважаемая персона. Один на всю округу. Там народу безразлично, ссыльный вы или не ссыльный. Да и вообще в Югорск испокон веку ссылали. В нем, считай, каждый в предках ссыльных имеет. Ну, думайте, гражданин Пантелеев.

«А ведь он дело говорит, – соображал Василий Львович. – Если уж где затеряться, так именно в такой дыре. А там... Время покажет».

– А добраться до Югорска как? – спросил он наконец.

– Пустяки, дадим лошадь, все равно туда медикаменты доставить нужно. Вот вы заодно и доставите. Ну что, согласны?

– Согласен, – решительно сказал Пантелеев.

С той памятной минуты, изменившей его жизнь, прошло почти десять лет. Югорск понравился Василию Львовичу сразу же. Тихий городок, именно такой, как и описывал его зав. кадрами. И дом понравился. Небольшая городская больница оказалась весьма запущенной, но Пантелеев в короткие сроки привел ее в порядок, да и авторитет он себе составил очень быстро, проведя несколько операций. Чтобы сделать подобные, люди раньше тащились в областной центр. Через полгода приехала Аня с детьми, и жизнь семейства Пантелеевых и вовсе стала, что называется, на заглядение. Аня пошла работать в школу учительницей, дети всегда на глазах. А самое главное, не ощущалось обычного даже не страха, а некоего тревожного состояния, при котором все валится из рук.

Однако годы шли, и ситуация менялась. Как уже говорилось, волна репрессий докатилась и до Югорска. И вновь тревога вползла в семью Пантелеевых. Арестовали нескольких знакомых, в том числе коллегу Ани, учителя истории Кронборга. Арестовали кое-кого из ссыльных, которых к тому времени набралось в Югорске человек двадцать. Всех словно сковало морозом страха.

Василий Львович долго размышлял, ища выход. Он понимал, что вот-вот придет его очередь. И что потом? Тюрма, лагерь... А ему совсем скоро стукнет пятьдесят. К сожалению, поздно женился. Дети еще маленькие, а Аня? Что будет с ней? Скорее всего, ее ждет та же участь. Значит, дети, а их он любил больше всего на свете, пропадут. Прямая дорога в спецприемник, детский дом... Клеймо членов семьи врага народа. С женой он своими опасениями не делился, но чувствовал, что и ее беспокоит то же самое.

Однажды ночью, когда ребяташки уснули, он тихонько спросил жену:

– Ты не спишь?

Она вздохнула.

Василий Львович приподнялся и сел на край кровати.

– Знаешь, о чем я все время думаю? – осторожно спросил он.

– Догадываюсь.

– Ведь не сегодня-завтра за мной придут.

– Что же делать?

– А ты как считаешь?

– Я не знаю...

– Что же, позволить им снова все сломать? Из Питера выперли. Ладно! А теперь? Дальше ведь высылать некуда.

Анюта тихонько заплакала.

– Не плачь, и так тошно!

– Но как же дети? – сдерживая слезы, дрожащим голосом спросила Анюта.

– Дети? А ты не догадываешься, что их ждет?

– Тогда уж лучше, не дожидаясь, в петлю.

– погоди в петлю... Выход есть. Я уже все обдумал.

– Ну же!..

– Уйти в тайгу.

– Куда?!

– В тайгу! Туда, где нас никто искать не будет.

– Да уж лучше действительно в петлю. В тайге медленная смерть. Ни жилья, ни еды. Комары, цинга, зверье...

– Зверье! – передразнил Пантелеев. – Если уж где и зверье, то тут. Ты не причитай раньше времени. Куда идти – я знаю. И завтра же начну готовиться. И подготовлюсь, уж будь уверена. К тому же у меня есть опыт. Я много раз тебе рассказывал, как жил в гражданскую на винограднике в Крыму.

– Сравнил тоже – Крым и тайга.

– Конечно, здесь совсем другое дело, но, будь уверена, просто так я не сдамся. Хватит! Надоело бояться. Пусть умрем в медвежьем углу, но все вместе и свободными людьми. Или ты не насмотрелась на заключенных?

– Где же мы будем жить?

– Есть у меня одно место. Пока ничего говорить не буду. Этот энкавэдэшник Козулин... У меня с ним неплохие отношения, а почему? Потому что его супруга уже трижды аборт делала. И спиртику, на березовых почках настоящего, я ему наливал неоднократно... – Василий Львович задумчиво закричал.

– Так, может, обойдется? – тихонько спросила Анюта. – К тому же ты врач, ты нужен здесь.

– Не обойдется! – жестко произнес Пантелеев. – От Козулина в данном случае ничего не зависит. Ему прикажут – он выполнит. А не выполнит, сам туда же загремит. Единственное, думаю, в случае чего предупредит. Ведь человек же он! Ну ладно, давай спать. Чего раньше времени паниковать. И все-таки я прямо с завтрашнего дня начинаю готовиться и тебе советую готовиться, и детей готовь.

– Но как?

– Завтра все расскажу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

1971 год, июнь. Москва

Редакция крупной ежедневной газеты «Молодость страны» располагалась на шестом этаже огромного серого здания в самом центре Москвы. Когда Осипов появился в редакционном коридоре, его остановила секретарша.

– Привет, Иван! – окликнула она Осипова, усмехнулась и непроизвольным движением поправила прическу. – Ты, как всегда, элегантен и красив... – Она явно настроилась пообщаться.

– Чего тебе? – Осипов сегодня был суров и отрывист.

– Ай-ай, как грубо, – ничуть не обиделась секретарша, – первое перо, как видно, не в духе. – Она хихикнула. – Тебя тут замредактора искал. Корзюков. Даже домой звонил. Но вас, конечно, дома не застать: еще бы, волка ноги кормят.

Не обращая внимания на глупую болтовню, Осипов двинулся в кабинет Корзюкова.

В большом мрачном помещении за огромным письменным столом тщедушный Корзюков казался пигмеем. «Именно пигмей», – насмешливо подумал Осипов, вопросительно глядя на зама. В кабинете, кроме Корзюкова, присутствовала какая-то женщина, при появлении Осипова отвернувшаяся к окну.

– Отлично. Иван Григорьевич, – Корзюков вскочил из-за стола и протянул Осипову руку. – Ты появился весьма кстати. Евгения Васильевна дожидается именно тебя. – По преувеличенно радостному тону чувствовалось, что посетительница надоела, но, видимо, является важной персоной и поэтому от нее так просто не избавишься.

Услышав слова зама, женщина повернулась и в упор глянула на Осипова, видимо, пытаясь понять, что он за человек. Осипов был облачен в синие американские джинсы, потертую кожаную куртку и поношенные туфли фирмы «Цебо». Его серые глаза спокойно встретили изучающий взгляд незнакомки, а доброжелательная улыбка, казалось, говорила: я простой советский журналист, готов выслушать любой вздор, коли уж так хочется начальству.

Неизвестно, что подумала неведомая Евгения Васильевна, но она требовательно посмотрела на Корзюкова.

– Конечно, конечно, – засуетился тот, – вы можете пройти в кабинет Ивана Григорьевича и изложить ему вашу проблему.

Женщина кивнула и направилась к выходу. На лице зама появилась ехидная улыбочка.

– Ты уж постарайся повежливей, – шепнул он Осипову.

Несмотря на то, что в редакции места на всех не хватало, у Ивана, как у одного из ведущих репортеров, имелся свой отдельный кабинет. Это была крошечная, узкая, как пенал, комнатка, в которой одновременно могли находиться не больше трех человек.

Женщина прошла вперед, кинула беглый взгляд на заваленный бумагами стол, на стены, оклеенные когда-то яркими, а теперь выцветшими плакатами, на давно не мытые окна, и на лице у нее появилась презрительная гримаса. Она села на шаткий стул, достала из сумочки пачку сигарет «Тройка» и, не спрашивая разрешения, закурила.

Иван внимательно смотрел на «аристократку», пытаясь понять, кто же находится перед ним. Женщине на вид было лет сорок пять, дорого, со вкусом одета, очень ухоженное, бледное

лицо, темные круги под глазами тщательно запудрены. Похоже, в ее жизни случилась какая-то драма. В одежде чувствуется некоторый беспорядок, вон даже пуговичка на блузке расстегнулась, а она и не замечает, и курит как-то уж очень нервно. А может, она того? Такие здесь встречаются довольно часто.

Женщина докурила сигарету до половины и резким движением затушила ее в грязной пепельнице. Потом она о чем-то задумалась и уставилась в окно. Странная посетительница стала утомлять Осипова.

– Так что вы хотели? – осторожно поинтересовался он.

Дама посмотрела в лицо Ивана и поморщилась.

– Мне казалось, что вы значительно старше, – изрекла она.

– Какой уж есть, – грубовато ответил Осипов.

– Я вдова генерал-полковника Сокольского, – представилась дама.

«Так и знал, – с досадой подумал Иван, – теперь от нее не отвяжешься. Весь день насмарку. Очевидно, желает опубликовать воспоминания о муже, о его боевых подвигах, а, может быть, хочет, чтобы я написал очерк о нем. И ведь от нее так просто не отделаешься. Чуть что, побежит к редактору жаловаться. Скотина какая Корзюков! Подсунул подарочек!»

– Пришла к вам потому, – продолжала генеральша, – что мне очень нравится, как вы пишете. – Она достала из сумочки пачку газетных вырезок с его, Осипова, статьями и положила на край стола. – К сожалению, вы оказались очень молоды.

– Что вы все молоды да молоды... – завелся Иван.

– Не сердитесь, – неожиданно мягко произнесла дама. – Я не хотела вас обидеть, просто не ожидала... В ваших статьях чувствуется знание жизни, и я подумала... – Она запнулась и достала из пачки новую сигарету. Осипов потянулся к вырезкам и стал их перебирать. К его удивлению, среди них оказались лишь судебные очерки и репортажи на криминальные темы.

«Эге...» – мысленно произнес он и искоса взглянул на генеральшу.

– Дело в том, – неожиданно продолжила она, – что два месяца назад убили моего сына. Единственного сына. И я теперь осталась совершенно одна. – Она глубоко затаилась и закашлялась. На глазах выступили слезы.

– Кто убил? – осторожно спросил Иван.

– Убили какие-то звери, – не слушая его, продолжала говорить Евгения Васильевна. Теперь ее голос упал до шепота, и Осипов с трудом разбирал слова.

– Убили жутко, страшно изуродовали. Моего Валю... Ему было всего двадцать... Вы понимаете!.. Он для меня все! И вдруг! Три года назад умер муж, а теперь вот... – Лицо ее сморщилось, и слезы потекли по напудренным щекам. Под глазами выступили темные круги. Она сразу постарела.

– Успокойтесь, – попросил Осипов, – расскажите все по порядку.

Из сбивчивого рассказа генеральши выяснилось, что сын ее, Валентин, студент второго курса МГИМО. Два месяца назад, а именно в апреле, отправился отдыхать и готовиться к экзаменам на дачу. Он отсутствовал дома три дня. В конце концов встревоженная мать приехала на дачу, но никого там не застала. Она кинулась к приятелям сына. Те сообщили, что действительно были с ним на даче, но недолго. Потом они уехали в Москву на электричке, а он остался в доме. Мать бросилась в милицию. Через день после начала поисков труп Валентина обнаружили в лесополосе какие-то подростки. На теле множество колото-резаных ран, голова оскальпирована, оба глаза выбиты. Короче, мальчик был изуродован так, что хоронить его пришлось в закрытом гробу.

– Может быть, вы хотите кофе? – участливо поинтересовался Осипов, видя, что с женщиной вот-вот случится истерика.

Она прервала свой рассказ и кивнула.

Пока Иван возился с чайником, насыпал в относительно чистую чашку растворимый бразильский кофе, генеральша молчала, продолжая безостановочно курить. Она взяла двумя пальцами чашку и, оттопырив мизинец, стала медленно прихлебывать кофе мелкими глотками. Допив кофе, она брезгливо повертела в руках пустую чашку, видимо, размышляя, сделать или не сделать замечание по поводу ее чистоты, но промолчала. Потом взглянула на хозяина кабинета.

– Вам еще не надоел мой рассказ? – поинтересовалась она совсем другим, нарочито равнодушным тоном.

– Продолжайте, – попросил Осипов.

Генеральша достала из сумки зеркало, губную помаду, пудру и принялась приводить себя в порядок. Она наконец обнаружила незастегнутую пуговицу и невозмутимо застегнула ее.

– А что продолжать, – холодно сказала она, – продолжать-то нечего.

– Но убийцу нашли? – Какое там... Два месяца велось следствие, как мне заявили в МУРе, и зашло в тупик. Вы понимаете?! В тупик!!! Так-то вот!

– Но ведь есть какие-то разработки, версии...

– Версии?! Да они не хотят заниматься делом моего сына!

– Этого просто не может быть, – уверенно сказал Осипов. – Я допускаю, что дело по каким-то причинам приостановлено, допускаю и вероятность тупика, но чтобы его прекратили... Вы, извините, не та фигура, которой можно пренебречь. С вами, как мне кажется, опасно связываться. Или я чего-то недопонял, или вы сказали мне не все.

– Уж поверьте мне, молодой человек, не желают они заниматься убийством моего сына, мне так прямо и сказали. Конечно, неофициально, но вполне определенно.

Осипов пожал плечами.

– В таком случае, я не совсем понимаю, зачем вы пришли в редакцию. Жаловаться на них хотите?

– Я пришла с вполне определенной целью. Мне необходимо, чтобы убийца или убийцы моего сына были найдены и наказаны.

– Тогда вам следует обратиться в прокуратуру.

– Опять вы ничего не поняли. Я хочу, чтобы этим делом занялись вы.

– Я?!

– Именно. Знающие люди подсказали мне. Найдите, говорят, человека, который провел бы следствие, так сказать, неофициально. Назвали несколько кандидатур, а первой вашу. У него, говорят, большие связи в милиции, и в МУРе в том числе.

– Но я ведь не следователь, не юрист. Да и к тому же у меня есть основная работа.

– Вы опять меня не поняли. Если вы найдете преступника, я вам хорошо заплачу.

В кабинете воцарилось молчание. Осипов пристально смотрел на генеральшу, не зная, как повести себя дальше. Выставить ее к чертям собачьим? Продолжить обсуждение? Еще никогда к нему не обращались с подобными предложениями. Молчала и Евгения Васильевна, выжидательно смотря на хозяина кабинета. Наконец она решила, что Осипов ждет продолжения, потому что тихо сказала:

– Если вы найдете убийцу, я подарю вам «волгу», автомобиль, вы понимаете? Надеюсь, такой вариант вас устраивает?

«Однако!» – подумал Осипов.

– Кроме того, – продолжила дама, – я готова финансировать все ваши расходы, связанные с поисками: вот деньги. – Она достала из сумочки две пачки, туго перевязанные бандерольными лентами.

– Тут две тысячи. Необходимо только ваше согласие. Решайтесь. Или сумма не устраивает? Вы ведь, наверное, столько за год едва зарабатываете, и то вряд ли. Да плюс машина. У вас есть автомобиль?

Осипов отрицательно качнул головой.

– Ну так как же?

– Я, право, не понимаю... Как... Что... Ведь нужно ознакомиться с материалами дела. Да и...

– С материалами вас познакомят. Об этом можете не беспокоиться. Как только вы дадите согласие, я вручу вам номер телефона. Позвонив по нему, вы обо всем договоритесь. Это телефон следователя, который ведет дело.

– Но почему же он сам?

– Соглашайтесь, он вам все объяснит.

Осипов в растерянности машинально начал рыться в бумагах, лежащих на столе. Предложение, что и говорить, интересное. Машина, деньги... Правда, дурно пахнет, к тому же она явно что-то скрывает. А почему бы не согласиться? Дело, видимо, и в самом деле непростое.

Осипов поднял на нее глаза.

– Хорошо, я согласен.

Не выказав особой радости, генеральша удовлетворенно кивнула головой, потом достала из сумочки листок бумаги.

– Голованов Виталий Петрович, – прочитала она, – это следователь, тут также номер телефона. Он ждет вашего звонка.

– Следователь что же, знает, что вы пошли договариваться со мной?

Она неопределенно пожала плечами, явно не желая углубляться в эту тему.

– Вы позвоните. Да, предупреждаю, коли уж согласились, не вздумайте увильнуть. Деньги потратите на баб и на водку – и в кусты.

– Позвольте! – вскипел Осипов. – Что вы себе позволяете!

– Ну-ну, полегче! Я, конечно, извиняюсь, если что не так сказала. Но раз уж согласились, назад пути нет. – Она поспешно поднялась. – А что касается машины, то я оформлю на вас дарственную.

И генеральша покинула кабинет.

Некоторое время Осипов сидел, тупо уставившись в окно. Не нравилась ему эта история, ох не нравилась! И баба эта явно темнит, и вообще от всего идет дурной запах. Впрочем, чего он, собственно, испугался? Деньги – вот они, лежат на краю стола. Он поспешно взял пачки и бросил их в ящик. Телефон следователя она ему дала. Кроме того, у него в МУРе есть связи, надежные связи, информацию он всегда получит.

Осипов глянул на листок, который вручила ему генеральша, и его рука потянулась к телефону.

Трубку тотчас же подняли, словно звонка ждали. Осипов представился.

– Очень рад, – услышал он голос на другом конце провода, – как, вы приняли предложение?

– В общем – да, – осторожно ответил он.

– Отлично, – в голосе пока неизвестного Голованова сквозила явная радость, – словно камень с души...

И снова Осипов удивился. «Почему камень? Скорее следователь должен бы быть огорчен, ведь в данном случае налицо некомпетентность». Откровенно говоря, он ожидал, что этот Голованов возмутится или по меньшей мере расстроится.

– Приезжайте на Петровку, – сказал Голованов, – прямо сейчас. Пропуск я выпишу.

Странный следователь оказался очень высоким, под два метра, спортивного вида парнем. Отложной воротник модной олимпийки был выпущен поверх серого польского пиджака, на лацкане которого солидно поблескивал престижный значок «Мастер спорта СССР».

– За «Динамо» стучаю, – сообщил Голованов, поймав взгляд Ивана. – Волейбол...

Осипов кивнул.

– Меня Виталием Петровичем величают, – представился следователь, – можно просто Виталик. К чему церемонии? А о вас я наслышан. Читал неоднократно. Как же: «У опасной черты», «Волки и овцы», «За гранью совести». Клево. Искренний почитатель. – Голубенькие глазки волейболиста смотрели весело и доброжелательно, но проглядывала в них некая льдинка. Да и настороженность проступала на открытом загорелом лице.

– Садитесь, товарищ журналист, курите. Сам-то я не употребляю, но, когда другие курят, не возражаю. Даже люблю запах табака.

– Что это ты, Виталик, все «товарищ журналист»? – стараясь попасть ему в тон, усмехнулся Осипов. – Иван меня зовут, договорились?

– Отлично, – расплылся в улыбке Голованов, – взаимопонимание установлено. А это самое главное. Конечно, разговор предстоит несколько щекотливый, поэтому... – Он не договорил, подмигнул, достал из стола бутылку минеральной воды, два стакана, потом покосился на Осипова и извлек на свет плоскую стеклянную фляжку с янтарной жидкостью.

– Коньяк, – прокомментировал он, – казахский, но неплохой. Я знаю, вы, пишущая братия, любите это дело. – Он щелкнул себя пальцем по горлу. – Не обижайся. Шутка! Я тоже употребляю!

– А как же спорт?

– Одно другому не мешает, наоборот, полезно. Коньяк сосуды расширяет. Конечно, если понемножку.

Он налил в каждый стакан на два пальца.

– А не войдут? – Осипов кивнул на дверь.

– Не волнуйся, я закрыл на замок. Ну давай! За знакомство.

«Коньяк действительно неплох», – отметил Иван.

– А теперь по минералочке, – радостно предложил веселый следователь. – Вот и отлично.

Все больше удивляясь странному поведению этого человека, Осипов ждал продолжения, и оно последовало.

– Значит, ты согласился работать на вдовую генеральшу? – с наигранным равнодушием спросил Голованов, залпом выпив свою минералку.

– Да вроде бы, – неопределенно сказал Иван.

– Ну и молодец, – похвалил следователь. – Она тетка с деньгами. Еще бы. Муж – высокий чин. Он ее лет на двадцать пять старше был. Сыграл в ящик несколько лет назад. Оставил ей... – Голованов провел ладонью над головой. – Из Германии – будь здоров, он одно время был главным в Восточной Пруссии. Как раз тогда, когда немчуру оттуда поперли. Так рассказывают, вагонами сюда добро возил. Конечно, не все. Делился...

– Ты давай ближе к делу, – поторопил Осипов.

– А куда спешить, рабочий день идет... Коньячок еще остался. Ладно, не волнуйся. Все расскажу. Что она тебе посулила?

Осипов промолчал.

– Да знаю, знаю, «волжанку», наверное?

– Вот я чего не понимаю. – Осипов в упор глянул на Голованова, – тебе, что ли, самому «волжанка» не нужна?

– Мне? Да зачем? Меня служебная возит. – Следователь хохотнул. – Да и потом «волжанку» еще заработать надо. А чтоб заработать, нужно изловить того гада, который ее Валентинчика замочил. А это, брат, как я кумекаю, дело ой-ой-ой! Нелегкое это дело.

– Почему же вы его сами не ловите?

– Не можем, – Голованов развел руками. – Не получается никак. Вот теперь тебе доверили. Давай-ка еще по одной.

Не дожидаясь согласия, разлил коньяк по стаканам.

– За удачу, – приподнял свой и хитро усмехнулся.

– Что ты все вокруг да около ходишь! – взорвался Иван. – Давай, выкладывай...

– Уж больно вы, журналисты, настырные ребята, – заметил Голованов. – Все вам сразу вынь да положь. Ладно, слушай. Нашли этого парня два месяца назад, в апреле, в лесополосе, страшно изуродованного. Весь изрезанный, глаза выбиты, кожу с черепа словно чулок сняли...

– Это я уже слышал.

– Она тебе рассказала? Услышать – это одно, а увидеть – другое. На вот, полюбуйся. – Голованов достал из стола и протянул Ивану несколько снимков. Действительно, вид несчастного отпрыска генерала был жуткий.

– А вот он, так сказать, до... – Голованов протянул еще один снимок, – смотри, какой красавчик. – На фотографии был изображен и впрямь очень интересный молодой человек, видимо, брюнет, с тонкими, словно нарисованными бровями, большими лучистыми глазами и пухлым маленьким ртом.

– Киноартист Василий Лановой, – хохотнул Голованов.

Иван никак не мог понять причину веселья следователя. «Может, у них так принято, – вяло подумал он, – или привычка? Чего он все хихикает?»

– Ты до сих пор не въехал? – серьезно поинтересовался Голованов.

– Во что не въехал?

– Во что, во что? В то! Думаешь, что это за паренек был?

– Откуда я знаю, – пожал плечами Иван.

– «Голубой» он! – воскликнул Голованов. – Педрила. Сомневаешься? Не сомневайся, брат Пушкин! Точно, как в аптеке. В этом-то вся загвоздка.

– Неужели гомосексуалист?!

– Именно! Вначале, конечно, мы за голову схватились. Мальчик элитный. Учится в МГИМО. Папа – генерал заслуженный, с самим Жуковым за ручку здоровался. И тут такое... Стали проверять связи, круг его знакомств изучать. И тут же просекли. Да это же Валька Поэт, говорят. Его кличка Поэт. Стихи, что ли, писал... Его, говорят, у фонтана возле Большого, на «плешке», каждая собака знала. И ты знаешь, народ сразу поскучнел, энтузиазм пропал... Все только руками замахали.

– Это почему же?

– Ты вроде пишешь на криминальные темы, неужто не знаешь?

– А что такое?

– Что такое? Дохлое дело, вот что такое! Ясно, что кончили его свои, «голубые» эти самые. Основание? Элементарная ревность. Знаешь, как у Шекспира. «Молилась ли ты на ночь, Дездемона?» Обычное дело. Таких убийств – пруд пруди, и почти все не раскрыты.

– Так уж пруд пруди?

– Ну, может, и не столь много, но достаточно. А у этой компании – круговая порука. Если и знают чего, не скажут. Мы, конечно, давай их трясти. Знали его все, а сказать никто ничего не может. Или не хочет. Любовников его прихватили. Одного месяц в Бутырке держали, очень он там ко двору пришелся. Ничего! Пусто! Тут еще интересней выходит. Стали мы его переписку изучать. А там такие имена! Начальство за голову схватилось. Народные артисты, певцы разные, киношники, а потом и того круче. Вообще начали всплывать люди, о которых и сказать страшно. И решено было отложить это веселое дело в долгий ящик. Но не тут-то было! Забегала его мамаша. Ее, конечно, можно понять. Привела в действие все свои связи. Министр обороны подключило разные там ведомства. Даже сподвижник покойного генерала к нашему начальнику явился. Чуть ли не маршал. Весь в орденах. При ходьбе звенит, что твой колокол. Скандал устроил. Кричит: «Как же так, не можете найти какого-то бандита! А ведь отец этого несчастного парня кровь за Родину проливал, приближал победу! Да и сам Валентин

– чистый ангел. Мог бы отличным дипломатом стать, представлять нашу державу. Достоинно вести себя в капиталистическом окружении».

Начальник слушал его, слушал, успокаивал, а потом не выдержал.

– Нате, – говорит, – полюбуйтесь, какой у героя сыночек вырос, – и показания свидетелей маршалу под нос.

Тот сначала не понял, о чем вообще речь. Он, видать, и слова-то такого – «гомосексуалист» – не слышал. Потом, правда, дошло. Выскочил из кабинета начальника как ошпаренный и всю дорогу до первого этажа плевался. Так-то вот! Но мамаша не унимается. Вот тогда и решили. Коли найдется доброволец и возьмется провести следствие на свой страх и риск, препятствий ему не чинить. Напротив, даже помогать. Познакомить с делом, ну и т. д. Конечно, человек этот должен быть не какой-то там «Гаврила с прибором». Одним словом, личность надежная, скажем, такая, как ты. Теперь понял?

Осипов некоторое время молчал, обдумывая услышанное. Действительно, попал. Ожидал какого-то подвоха, но не такого. Купили его, как пацана, купили. В прямом и переносном смысле. И все же... А почему бы и не заняться? Все, что рассказал ему этот долбак, не просто интересно, в высшей степени захватывающе. Особенно для журналиста. Конечно, тема эта закрыта, но кто знает, что будет завтра. В конце концов, чего он теряет.

– А с делом можно познакомиться? – поинтересовался он.

– Конечно. Я же сказал, тебе все можно. Даже выносить материалы разрешено. Действуй. Только смотри, эти «голубые», они, знаешь... – Он не договорил и идиотски захохотал. – В случае чего звони. Впрочем, я должен поставить тебе условие. Обо всем, что узнаешь, обязательно сообщай мне.

Не обращая внимания на толчею в метро, Осипов продолжал лихорадочно размышлять, правильное ли решение он принял. Так ничего и не решив, он тем не менее проехал свою остановку и, чертыхаясь, пересел в другой поезд. Единственное, что хоть немного успокаивало, две пачки десятирублевых, рассованные по внутренним карманам пиджака.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

1938 год. Югорск

День исхода запомнился Сереже Пантелееву на всю жизнь. Как ему представлялось, они покинули дом, видимо, сразу после полуночи. Он, сестра и мать сидели на тяжело нагруженных санях, а отец шел рядом и держал в руках вожжи. Вокруг стояла непроглядная темень, но отец, видимо, хорошо знал дорогу, потому что сани хотя и медленно, но уверенно продвигались вперед.

По обеим сторонам дороги высилась едва различимая громада леса, под полозьями саней иной раз потрескивал ледок. С тех пор все это: темная горбушка леса, хруст свежего ледка, а главное, неясное ощущение не то праздника, не то беды – частенько снилось младшему Пантелееву.

Стоял конец марта. Весна, шедшая вместе с караванами гусей, осталась где-то южнее, а в Югорске и в его окрестностях зима пока что не теряла своих позиций. Днем пригревало солнце, на открытых местах появлялись лужи, однако к вечеру они подмерзали. Часто шел снег, иногда довольно сильный.

Сани еле ползли по дороге. Видно, отец боялся утомить лошадь. Сережа лежал рядом с сестрой на мягком ковре, сверху укрытый огромной овчинной шубой. Лежать было тепло и уютно. Он плохо соображал, куда они отправились среди ночи. По малопонятным репликам выходило, что куда-то в лес. Но зачем? Этого он не уловил.

– Слушай, Женька, – толкнул в бок сестру Сережа, – в какое место мы едем?

Женя некоторое время молчала, видно, обдумывая вопрос. Возможно, она и сама толком не знала, потому что, помолчав, буркнула: «Спи!»

Но как тут уснешь? Ведь начиналось самое настоящее приключение. Сани тяжело переваливались с кочки на кочку. Поблизости слышалось прерывистое дыхание их лайки Заны, бежавшей рядом. Сестра тоже беспокойно ворочалась и, судя по звукам, видимо, даже всплакнула. Мерное подрагивание саней убаюкивало, и Сережа скоро уснул.

А предшествовали исходу следующие события. Часа в три, что было необычно рано, Василий Львович явился домой чрезвычайно возбужденный. Аня уже отвела уроки, пришла из школы и теперь собиралась готовить ужин.

– Все! – закричал Пантелеев с порога. – Нужно бежать!

– Что случилось?! – перепугалась Аня.

– Случилось!!! Сегодня или завтра меня должны арестовать.

– Ты это серьезно?

– Вполне! Серьезней не бывает! Я как знал... Все уже подготовлено... Как знал! – Пантелеев метался по комнатам и напоминал сумасшедшего.

– Успокойся. Расскажи толком.

– Чего рассказывать? Удирать нужно!

– И все-таки переведи дыхание.

– Ты права. – Василий Львович сел на стул и посмотрел на жену. – Примерно час назад явилась ко мне Зинаида, знаешь, делопроизводитель в отделе НКВД. Я еще в прошлом году дочку ее лечил. Помнишь, я рассказывал... Дифтерия... Хорошо, сыворотка имелась. Очень

сложный случай... Девчонке пять лет. Ладно. Значит, входит эта самая Зина, а глаза, знаешь, донельзя испуганные. Я сразу понял... А может, и не сразу. Ну, ладно... Говорит, что-то, мол, простыла, с горлом не в порядке... Сама оглядывается. А у меня как раз никого не было, даже сестру отпустил. Поозиралась она и шепчет: «Вас, Василий Львович, должны вот-вот забрать. Сама список видела». А я, как дурак, спрашиваю, кто в нем еще? «Да вам-то какое дело, – шипит, – я и так рискую. Если докопаются, за вами следом пойду. Но я добро помню. Таньку мою с того света вытащили». Когда, говорю, прийти должны? «Точно не знаю, – отвечает, – может, сегодня, может, завтра, а может, через неделю, но что придут, не сомневайтесь! В списке таких, как вы, семь человек, нужны еще трое. Я краем уха слышала. Вот сейчас как раз этих троих и изыскивают. А с вами все! Решено окончательно». Прошептала и в дверь. А я надеялся на Козулина. Мол, в случае чего сообщит. Нет, сволочь оказался. Да, собственно... – Он замолчал и задумался.

– И что дальше? – спросила Аня.

– Дальше? Ах, дальше... Запряг я больничного мерина в сани и домой.

– Это я поняла. Что делать будем?

– Бежать, и сегодня же, сразу, как стемнеет.

– Куда?

– Опять двадцать пять! В лес! Ты помнишь, осенью я на две недели уходил в тайгу. Говорил, что на охоту. Да, а перед этим и прошлым летом... И еще пару раз. Так вот. Я искал убежище. И нашел. И не просто нашел, а основательно подготовился к жизни в нем. Перевез туда кое-какие вещи, инструменты, запасы еды, консервы, конечно, охотничье снаряжение, но некогда рассказывать, сама увидишь. А теперь нужно увезти все, что сможем: картошку, муку, семена, керосин... Словом, все, что удастся.

– Да как же мы все увезем?

– На санях.

– Разве сани пойдут по лесу?

– Пойдут до определенного места. Там сгрузим вещи и двинемся пешком на лыжах, а потом вернемся, потихоньку перетаскаем... Не волнуйся, я все учел.

– Но ведь кинутся искать. По следам пойдут.

– Не найдут. Через две-три недели, крайний срок – через месяц вскрыются реки, сойдет лед на болотах. И тогда туда пробраться почти невозможно. Да, я думаю, и искать особенно не будут. Кому тут искать?

– А если донесут?

– Никто не знает, где это место.

– Что же, мы так и будем жить посреди леса?

– Там видно будет, а пока начинай собираться. К ночи нужно выезжать.

Когда Сережа проснулся и высунул голову из-под тулупа, на улице было светло. Шел сильный снег. Крупные хлопья тотчас залепили лицо. Сережа протер глаза и увидел, что сани стоят, а выпряженный мерин жует в торбе овес. Они находились на узкой просеке, по обеим сторонам которой поднимались огромные сосны и ели. Правда, они казались едва различимы, настолько сильным был снегопад.

– Отлично, – весело говорил отец матери, – теперь нас и вовсе не сыщут. Все следы занесет. – Однако мать, видимо, не разделяла его веселья. Она молча сидела на краю саней, до самых глаз укутанная в пуховый платок, и выглядела довольно мрачно, что с ней случилось нечасто. Увидев, что Сережа проснулся, она слабо улыбнулась и тяжело вздохнула.

– А Женя спит? – тихо спросила она.

– Нет, – донеслось из-под тулупа.

– Вставай, поешьте.

Сестра неохотно вылезла на свет и испуганно огляделась.

– Где это мы? – со страхом спросила она.

– В лесу, – односложно ответила мать.

– А куда мы едем?

– Отец пусть скажет.

Произнеся это, мать достала из саней большую бутылку с молоком, круглый каравай хлеба, отрезала каждому по ломтю, налила молока в жестяные кружки.

– Папа, – спросила Женя, так и не начиная есть и выжидательно смотря на отца, – куда мы отправились?

Отец стоял рядом с санями и, словно Дед Мороз, засыпанный снегом, легонько постукивал кнутовищем по полам полушубка, и снег пластами осыпался с него.

Дети и Аня молчали, ожидая объяснений.

– Ребята, – сказал отец, не глядя на них, – мы убегаем из города. Нам необходимо скрыться.

– Но почему? – воскликнула Женя.

– Меня должны арестовать.

– А что ты натворил?

– Представь себе, ничего. Вернее, действительно, натворил. А натворил я вот что. Я родился честным человеком, я всю жизнь лечил людей и старался не лезть в политику. Я хотел жить так, как мне подсказывала совесть. Я не гнул ни перед кем шею и никому не лизал задницу, я хотел оставаться самим собой. Вот что я натворил. И вот теперь я не желаю, чтобы меня, как бессловесную скотину, гнали на убой, я также не желаю, чтобы вы, мои дети, сгинули где-нибудь в приюте. Поэтому я решил не дожидаться ареста, а уйти в лес и жить там. Целые полгода я готовился к этому, ничего никому не рассказывая, чтобы, с одной стороны, не волновать вас понапрасну, а с другой, – он замолчал и показал на свой рот. – Чтобы случайно не проболтаться. Я вам обещаю, что мы не пропадем. И не надо представлять трагедию, – обратился он к Ани. – Вот если бы меня арестовали, это действительно была бы трагедия. Сейчас мы перекусим и тронемся дальше. Главное, чтобы лошадь отдохнула. Костя мерин сильный. Но он всю ночь тащил сани и устал. – Отец замолчал и оглянулся на лошадь. Семейство тоже помалкивало. Речь отца, казалось, успокоила.

И внезапно Сережа увидел их всех, и себя в том числе, словно с небольшой высоты, как если бы он поднялся метров на десять в воздух. Занесенные снегом фигурки, скукожившиеся на санях, рядом мерно жующий Костя, похожий на какое-то неведомое полярное чудовище. А вокруг бескрайние леса.

Одни, совсем одни.

2

Ехали, вернее, еле тащились еще часов пять. Снег шел не переставая. Просека то исчезала, то появлялась вновь, сужаясь до ширины проселочной дороги. Иногда сани с трудом протискивались между деревьев, а один раз вовсе застряли, и отцу пришлось прорубать проход топором. Наконец путь сузился настолько, что дальше на санях продвигаться стало невозможно. Тогда решили сделать привал. Выпрягли и накормили Костю, плотно поели сами. Закидали сани еловыми ветками. Часть поклажи перегрузили на мерина. И вновь в путь.

Дорога стала почти непроходимой. Деревья росли ствол к стволу, и не раз, и не два искали обходные пути. Особенно тяжело приходилось Косте, который с трудом протискивался сквозь заросли. На его широкой спине среди навьюченных тюков сидели дети.

Сережа потом частенько размышлял, как отец в заснеженном лесу смог найти дорогу. Видимо, перед этим он несколько раз прошел путь и вел их по приметам, ведомым ему одному, а может быть, ему помогал сам черт.

Лес казался совершенно пустынным. Присутствия в нем зверей или птиц не наблюдалось, и только раз где-то вдалеке прострекотала сорока. Снег прекратился, но все равно кругом по-прежнему было сумрачно. Трудно даже было определить, какое сейчас время суток: день или ночь. Все очень устали. Костя брел явно через силу, поминутно останавливаясь и часто всхрипывая, точно чуя опасность. Отец и мать шли на лыжах, и мать явно была на пределе. Только отец по-прежнему уверенно продвигался вперед. Он молчал, молчали и остальные, понимая, что спрашивать, сколько еще осталось идти, нет смысла.

Заметно стемнело.

– Я больше не могу, – сказала Аня и остановилась.

– Если мы перестанем идти вперед, то погибнем здесь, – спокойно произнес отец. – В темноте я не смогу найти дорогу. Поверь, осталось совсем немного.

И они снова из последних сил побрели по бескрайнему лесу.

Ночь накрыла беглецов своим черным пологом, и Сереже в полусне чудилось, что они бредут не по лесу, а по усеянному сверкающими точками бархатному небу. Он сидел на широкой спине Кости, судорожно вцепившись в какой-то мешок. То и дело голова его бессильно падала на плечи, и он бессознательным рывком скидывал ее. Один раз он сполз с лошади, и, хотя падать в глубокий снег оказалось совсем не больно, отец отругал его и хотел привязать. Однако Сережа воспротивился и сказал, что постарается не спать. Но сон снова сморил его. Очнувшись мальчик от неуверенного возгласа отца: «Кажется, пришли!» По-прежнему была непроглядная темень. Залаяла Зана.

– Где, где?! – закричала сестра.

Лошадь прошла еще немного и наконец встала возле чего-то большого и темного. Скрипнула дверь, отец подхватил Сережу и внес в помещение, в котором сильно пахло прелью и мышами. Сережу положили на что-то мягкое, и он мгновенно провалился в глубины сна.

3

Он открыл глаза и очень долго лежал без движения, не в силах понять, где же находится.

В помещении было полутемно, пахло какой-то дрянью, маленькое, подслеповатое окошко едва пропускало тусклый, пыльный свет.

Наконец он вспомнил. Ночная дорога, сумрачная громада леса, неуверенно бредущий по глубокому снегу Костя неожиданно живо встали перед глазами. Ага. Значит, они в дремучем лесу. А это?.. Неужели избушка бабы-яги? Стало страшно. Он повернул голову и, несмотря на полумрак, понял, что в комнате один. И еще Сережа почувствовал холод. Хотя спал он в одежде, даже в валенках, и был укрыт тулупом, стиль нежилого помещения пронизывала до костей. Сережа вскочил, нашел впотьмах дверь, прошел сквозь небольшие сени и, толкнув еще одну дверь, выбежал на улицу.

Дневной свет ослепил мальчика. С минуту он стоял, прикрывая ладошками глаза, но вот отнял руки и огляделся. Было по-прежнему сумрачно, но тепло. Сереже показалось, что на улице значительно теплее, чем в доме. Строение, из которого он вышел, приземистая, словно печь, изба, почти доверху оказалось завалено снегом, только проход к двери был кое-как расчищен. С пологой крыши капала вода. Снега таяли. За избой находилось еще несколько строений, связанных между собой и в целом напоминавших большую букву П. Сережа посмотрел по сторонам. Почти рядом с домом начинался лес. Громадные ели и пихты высоченным забором окружали утлые строения. Тишина повисла над этим жутковатым местом, редкий снежок падал с серого неба, и Сереже стало не по себе. Он закричал:

– Эй! Мама!!!

– Да здесь мы, – раздался где-то рядом голос отца, и он вместе с матерью и сестрой тотчас показался из-за угла дома.

– Проснулся! – воскликнул он. – А мы тут изучаем обстановку.

Сережа посмотрел на лица родных и заметил, что, хотя отец стремился казаться веселым, настроение у него далеко не радостное. Мать и сестра выглядели тоже довольно мрачными.

– Н-да, – вздохнула мать, – берлога... Впрочем, и выбирать не из чего. Я ожидала гораздо худшего. Здесь хотя бы есть дом, амбар, баня...

– Именно баня! – закричал отец. – Распаковывайте вещи, а я пойду топить баню. Она тут отменная, я уже в ней как-то парился. Сейчас, знаете, главное согреться, и не просто согреться, а так, чтобы все косточки размякли, да и дом нужно протопить. Дров, слава Богу, хватает. А как согреемся, так и жизнь покажется другой.

Баня стояла поодаль от основных строений, на спуске, видимо, к замерзшему ручью. Тесная, низенькая, она, казалось, вросла в землю. Когда Сережа вместе с матерью и сестрой подошел к ней, пахло дымком, напомнившим дом, отчего дрогнуло сердце и зашипало в носу. Внутри оказалось так жарко натоплено, что вошедших немедленно прошил обильный пот.

– Вместе, что ли, будем мыться? – недоуменно спросила мать у стоявшего в дверях отца.

– А почему бы и нет? Мы ведь – одна семья. Чего нам друг друга стесняться.

Мать показала глазами на детей.

– Нечего стыдиться! – решительно сказал отец. – Что естественно... Раздевайтесь.

Мать хмыкнула, но промолчала.

Она неуверенно посмотрела на дверь, за которой исчез отец, и стала стаскивать с плеч полушубок.

Сережа последовал ее примеру. Сестра глядела на них, но не раздевалась.

– А тебе что, особое приглашение нужно?! – прикрикнула мать.

– Но как же вместе? – тихо пробормотала сестра. – Стыдно...

– Кого стыдиться? Отца, брата? – неожиданно вскипела мать. – Нечего тут цацу изображать. Вокруг, кроме нас, никого нет. Одни мы тут. Одни! Весь стыд остался там, – она неопределенно махнула рукой. – Это в другой жизни мы могли позволить себе манерничать, а тут мы – единый организм. И если хотим выжить, нужно делать то, что говорит отец. Давай, Женя, не тяни.

Внутри бани теплился на притолоке огарок свечи, бросая длинные тени на темные стены. Пахло распаренными березовыми вениками, какими-то травами, хвоей. Тут было попросторней, чем в предбаннике, но все равно тесно. Сережа присел на полок. Слабый огонек свечи почти не рассеивал налитанного паром мрака. Но света все же было достаточно, чтобы различить худенькую белую фигурку сестры с едва намечающимися грудями, крупное, отсвечивающее сливочным блеском тело матери, поджарого смуглого отца. И впервые за два дня Сережа почувствовал успокоение. Видимо, те же чувства охватили и остальных. Мать тихо засмеялась и шлепнула отца по спине, хихикнула и Женя. Отец плеснул воды на каменку, и облако обжигающего пара поднялось к потолку. Дыхание перехватило, и Сережа сунул голову в стоящий рядом деревянный ушат с водой. И словно ток прошел по его телу. Непонятный восторг охватил душу, он зачерпнул полный ковш воды и окатил сестру. Она пронзительно завизжала и в свою очередь перевернула на него ушат. Ее мокрое горячее тело прильнуло к телу мальчика, и его обдало ощущением доселе неведомого единения с этими людьми, бывшими его семьей, единой кровью.

– Запомните этот день, – неожиданно прервав веселье, сказал отец. – Сегодня 30 марта 1938 года. Жизнь продолжается.

4

Прошло две недели, и бытие в лесах понемногу стало налаживаться. Погоды стояли отменные. С юга подул теплый ветер, и снег очень быстро стаял. Только в лесу, в низинах да в бочагах он продолжал лежать по-прежнему чистый, словно обглоданные добела сахарные кости.

За это время общими усилиями навели в доме, да и во всем хозяйстве относительный порядок.

Усадьба состояла из двух изб, соединенных между собой длинной неотапливаемой клетью, в которой хранились запасы дров. В клеть имелся вход прямо с улицы.

– Чтобы, когда холодно, на двор не высываться, носы не морозить, – объяснил отец.

Из второй избы ход вел в просторный сарай, набитый сеном, а из сарая в конюшню, в которой теперь обитал Костя.

На вопрос матери, откуда взялось сено, отец объяснил, что заготовил его еще летом. Не так, конечно, много, как хотелось бы, но на первое время Косте хватит.

Изба, где они поселились, имела одну просторную горницу, в которой стояли деревянные самодельные кровати, больше похожие на нары, огромный прямоугольный стол, а по стенам висели неуклюжие полки. В дальнем углу громоздился громадный, окованный помутневшей узорчатой жестью сундук. Позже Сережу чрезвычайно интересовал вопрос: как же дотащили сюда эту громадину через лесные дебри? Кроме всего прочего, добрую треть избы занимала громадная русская печь. Судя по обилию пыли, лежавшей на вещах, в доме не жили довольно давно. И все равно он казался оставленным только вчера, столь хорошо сохранился он сам и все в нем находившееся.

Только сошел снег, сразу стало видно, что место, на котором находилась усадьба, представляет собой возвышенную пологую грядку, кое-где усеянную валунами. С трех сторон ее ограничивал лес, а четвертая упиралась в небольшое круглое озеро. Перед домом раскинулась пустошь, уже основательно поросшая подлеском. Видимо, некогда пустошь была полем, но теперь молодые осинки и березки, а кое-где и сосны образовали небольшой лесок.

В первый же день отец заявил, что подлесок нужно выжечь, а пустошь распахать и посадить на ней картошку, рожь и овес.

– Как же мы распашем? – удивилась мать.

– С помощью плуга. Он здесь имеется. Запряжем Костю...

– Кто же тут жил? – поинтересовалась мать. – Уж больно хозяйство основательно. И плуг даже есть...

– Точно не знаю, – уклончиво ответил отец. – Я думаю, старообрядцы. Видимо, существовало нечто вроде скита.

– А откуда ты узнал его местонахождение?

– Долго рассказывать... – Он неопределенно пожал плечами. – Как-нибудь в другой раз. Да и не время сказки слушать. Пора за дело приниматься.

И действительно, дел в хозяйстве оказалось предостаточно. Выжгли, кое-как раскорчевали и распахали поле перед усадьбой. Когда стало совсем тепло, посадили рожь и овес, потом картошку. Мать разбила огород, и скоро из земли показались первые перья лука и листики редиски. Работали не покладая рук с утра и почти до заката. Ложились рано, еще засветло, и спали как убитые, а поутру снова принимались за работу.

Именно работа сняла неуверенность и страх перед неизвестностью. Несмотря на тяжелый труд, никто не жаловался на усталость, напротив, и дети и взрослые находились в приподнятом настроении. Чувство одиночества пока что было незнакомо им, а ощущение оторванности от остального мира, наоборот, только придавало силы, заставляя надеяться только на себя.

В том огромном сундуке они нашли рыболовные сети, а на берегу озера – старую лодку. Лед еще не растаял, но отец уже думал о будущем. Он задумчиво походил вокруг лодки, пнул ее носком сапога.

– Вполне можно спустить на воду. В свое время ее так хорошо просмолили, что она почти не тронута гнилью. Проведем небольшой ремонт, и можно будет рыбачить. Уж чем-чем, а рыбкой я вас обеспечу.

Впрочем, не только рыбой снабжал отец семейство. Как только сошел лед, на озеро прилетели стаи диких гусей и уток. В первый же день, услышав хлопанье крыльев, отец вычистил двустволку и собрался на охоту.

– А не услышат выстрелы? – в сомнении произнесла мать.

– Кто услышит? – засмеялся отец. – Здесь на сотню верст никого. Только мы да лесное зверье. – И он шагнул за порог.

Зверья действительно хватало. Кроме уток и гусей, он стрелял тетеревов и рябчиков, а однажды приволок небольшого козла. Без еды не оставались. Пока не созрел урожай, ели привезенную с собой картошку, пекли хлеб...

Отец к месту и не к месту вспоминал Робинзона Крузо и другую книжку, которую он читал в детстве, – «Швейцарских робинзонов».

– Мы совсем как они, – сообщил он, – те тоже жили в лесу и тоже семьей... Везде живут, даже на Северном полюсе, помните челюскинцев? На льдине жили люди, и ничего...

– Так их же спасли, – возразила Женя, – на самолетах вывезли...

– Их спасли, а мы сами себя спасаем, – отозвался отец. – Нам надеяться не на кого. Если хотим выжить, нужно работать и работать.

– А если вернуться в город? – робко спросила Женя.

– В город? – Отец насутился и помолчал. – Ты, видимо, не поняла, зачем мы сюда пришли, – тихо произнес он. – Может быть, ты решила, что я захотел поиграть в робинзонов? Отнюдь нет. Я уже говорил, что если бы мы задержались хотя бы на один день, то, вне всякого сомнения, меня и маму арестовали бы, а вас определили в детский дом, как детей несчастного Кронборга. Ты ведь с его дочкой училась в одном классе? Или не помнишь, что она перестала ходить в школу?

– Но ведь можно было переехать в другое место? – не сдавалась Женя. – Так же уйти, добраться до железной дороги, сесть на поезд и уехать туда, где нас никто не знает. Мало ли городов. Поехали бы, к примеру, на Дальний Восток. Там сейчас идет большое строительство. Я читала... Люди нужны... Вот бы и мы...

– На Дальний Восток, – передразнил ее отец. – На Дальний Восток скорее всего поехал бы я один. И не в мягком вагоне, а под конвоем. Нигде от них не скроешься. Бесплезно! Тем более с семьей, с детьми... Уж если даже в Югорске достали, так и везде найдут. Хоть на Дальнем Востоке, хоть в тундре, хоть в песках Каракумов. Конечно, я понимаю, что в лесу не очень весело, но уж извини! Лучше хоть так, чем вообще никак. Поживем здесь какое-то время, переждем... А там видно будет. Придет зима, замерзнут болота, попробую пробраться в город, узнать, что и как. А пока... – Он вопросительно посмотрел на мать, напряженно молчавшую на протяжении всего разговора.

– Отец правильно говорит, – тихо подытожила мать. – Если мы хотим оставаться вместе, другого выхода пока я не вижу. Здесь не так уж плохо. Как будто мы на даче.

– А что такое дача? – спросил Сережа.

Мать засмеялась.

– Это место в лесу или на берегу моря, где отдыхают, – сообщила она.

– И не работают?

– Как тебе сказать... – Мать замялась и вопросительно посмотрела на отца.

– Работают! – отрезал отец. – И еще как.

Мать грустно усмехнулась. На этом разговор закончился.

Видимо, сестра больше всех тосковала по людям. Она нет-нет да и вспоминала подруг, знакомых по городку, вспоминала школу и кинопередвижку, фильмы, которые показывали во Дворце культуры завода, библиотеку, пионерские сборы. Но Сережа чувствовал себя в лесу совсем иначе. В отличие от сестры ему здесь нравилось. Очень скоро он и не мог представить себе другой жизни.

Весна перешла в лето, которое в тот год выдалось особенно жарким. Целыми днями Сережа оставался на улице. Да и что делать в душном доме. Он купался в озере, проверял сети, помогал матери полоть огород, а по вечерам мыл вздрагивающего от удовольствия Костю, который после купания что есть силы махал хвостом, отгоняя мошкарку. В лесу было столько интересного, что некогда скучать. Правда, ходить далеко в лес отец категорически запретил. «Совсем рядом непроходимые болота, – сказал он. – Попадешь в топь, в один миг утянет».

Иногда над лесом и усадьбой проносились сильные грозы. В такие минуты казалось, что молнии бьют прямо в дом и вот-вот вобьют его в землю до основания. Почему-то местность, где находилась усадьба, особенно притягивала молнии. Ослепительные ярко-сиреневые вспышки сверкали над озером. Создавалось впечатление, что оно вскипает, расстрелянное струями дождя. Непрерывно грохотал гром, рождая мысли о конце света. Но грозы быстро проносились, оставляя после себя запах горькой свежести. Иногда отец, прихватив двустволку и запас еды, уходил на целый день далеко в лес. Раз или два он совсем не возвращался ночевать. В такие часы мать начинала нервничать и вслух ругать отца за непростительное легкомыслие. Но отец рано или поздно появлялся и обязательно приносил какую-нибудь добычу: тетерку или зайца. Сереже казалось, однако, что в лес он уходил вовсе не на охоту и дичь стрелял вроде бы как для маскировки. Отец рассказывал, что за их озером лежит другое, только значительно больше. На его берегу стоит дом, брошенный, видимо, очень давно.

– А дальше что? – с любопытством спрашивал Сережа.

– Дальше идут небольшие холмы, – сообщил отец, – в большинстве они покрыты лесом, но есть и совершенно голые. Попадают горки вроде мелких сопков, встречаются и гари. Видимо, молнии время от времени поджигают лес, и сами собой возникают пожары. Признаков обитания людей не встречал. Кругом там болота, некоторые холмы и сопки стоят посреди болот подобно островам.

Раз отец притащил из очередного похода древнюю рукописную книгу, которую он нашел в брошенном доме. Он бегло полистал ее, но отложил, сказав, что книга написана старинным полууставом и очень трудно читается. «Как-нибудь зимой на досуге попробую разобрать», – пообещал он.

Сережа тоже открыл деревянный, обтянутый заскорузлой черной кожей переплет с медными позеленевшими застежками и с любопытством перевернул пару листов, сделанных из грубой, точно береста, ломкой, трескучей бумаги. Древность имела несколько зловещий вид, и Сережа тут же отложил ее в сторону.

Кстати сказать, они привезли с собой обычные книги. В основном это были учебники, но имелись повести и рассказы Лескова, «Война и мир», «Сказки братьев Гримм», Андерсен, «Робинзон Крузо». Сережа редко читал, да и то только тогда, когда заставлял отец, боявшийся, что мальчик совсем разучится грамоте.

Первый снег упал в середине сентября. К тому времени урожай был собран, картошка выкопана, а на зиму сделаны значительные запасы. Навялили рыбы. Кстати, в усадьбе обнаружили большое количество соли. Ссыпанная в бочки, грубая и закаменевшая, она тем не менее пригодилась как нельзя кстати. Отец построил и небольшую коптильню, на которой коптил лесную и озерную дичь. Ближе к осени подстрелили лося. Мясо частью засолили, частью закоптили. Для Кости заготовили вдоволь сена, да и овес уродился на славу.

Словом, к зиме подготовились основательно. И хотя начинались холода и работы поубавилось, отец не позволял сидеть без дела. Всей семьей ходили на заготовку дров, отец рубил сухие лесины, а мать и дети собирали валежник. В конце концов дров было заготовлено столько, что их стало некуда складывать. Тогда неумолимый отец придумал другое занятие. Он решил перекрыть крышу в конюшне, укрепить ее, сделав непроницаемой для хищников.

– А волки здесь есть? – как-то поинтересовался Сережа.

– Есть, наверное, – спокойно ответил отец, – пока я их не встречал, но, надо думать, зимой появятся.

– И что тогда? – с тревогой спросила мать.

– Да ничего, патронов у нас достаточно. Отобьемся. К тому же Зана всегда оповестит, если к дому приблизится зверь.

– А если медведь?

– То же самое. Ты, наверное, видела: недалеко от дома в разных местах встречаются ямы. Это западни на медведя. Нужно привести их в порядок, вдруг пригодятся.

Однако опасения оказались напрасны. Ни волки, ни медведи им не досаждали.

И все же присутствовало в месте их обитания нечто странное. Сереже иногда казалось, что все вокруг: лес, озеро, наземная и пернатая живность – будто присматривается к ним, внимательно следит за каждым шагом. Природа словно выжидала, как проявят себя люди, выдержат ли испытание одиночеством и безлюдьем. Мальчику представлялось некое незримое, но огромное и всемогущее существо, откуда-то из беспредельной вышины наблюдавшее за их суетой, как он сам иногда наблюдает за насекомыми, снующими в траве. «Может быть, это и есть Бог?» – мысленно задавал он самому себе вопрос. Этот некто, по мнению Сережи, был невероятно могуч, но одновременно отстранен и равнодушен. Он не мешал, но и не помогал, предпочитал пассивно взирать на их возню. Но будет ли он всегда таким? Не сдует ли в один прекрасный день, как сам Сережа сдувал с ладони маленького паучка?

Разговоры о Боге в семье почти не возникали. Отец относился к религии равнодушно, а мать если и верила, то наособинку, без экзальтации и досконального соблюдения обрядов. Видимо, чем дольше она жила на свете, тем сильнее разочаровывалась в вере. И если Женю крестили в церкви, то Сережа оказался и вовсе некрещеным.

Сережа был почти уверен, что чувства, наподобие его собственных, испытывают и другие члены семьи. Как-то он попытался рассказать о них отцу. Он сбивчиво и малопонятно попробовал передать свои ощущения. Стесняясь, поведал о некоем существе, взирающем на них с высоты. Отец, удивленно смотря на мальчика, молча выслушал его невнятный рассказ, потом на некоторое время задумался. «Может быть, ты в чем-то и прав, – заключил он. – Иногда и у меня возникают подобные ощущения. Мы здесь словно листья на ветру. И уповать нам не на кого».

Сережа также часто размышлял, кто жил в усадьбе до них. Неподалеку от дома, на лесной поляне, среди цветов и высокой травы высилось несколько больших черных крестов. Здесь были схоронены их предшественники. На кладбище наткнулись почти сразу по прибытии, но кроме него ходить сюда никто не любил. Впрочем, говорить «не любил» было бы неправильно. У новых хозяев усадьбы просто не хватало времени для созерцания. И только Сережа, случалось, прибегал на это печальное место. Мрачные, даже зловещие кресты вовсе не казались ему страшными. Не пугали его и те, кто лежал под ними. Старое кладбище чем-то притягивало его. Как хорошо лежать среди разнотравья, возле одного из крестов, слушать мерное гудение насекомых и всматриваться в высокое небо! Именно здесь Сережа с наибольшей отчетливостью ощущал присутствие чего-то громадного и непостижимого.

5

Однажды в начале октября Сережа проснулся от яркого света, бившего сквозь маленькое оконце избы. Он оделся, вышел на улицу и обнаружил, что все вокруг покрыто тонким слоем белейшего снега. Остальные члены семьи уже давно пребывали за порогом. Сережа радостно засмеялся. Скатал обжигающий ладони снежок и бросил в сестру. Но она не выказала особой радости, кисло скривилась и покрутила пальцем у виска.

– Вот и зима пришла, – сказал отец. И Сережа не понял, рад он этому событию или, напротив, огорчен. Мальчик сделал несколько шагов по снегу и обернулся, глядя на тянущуюся за ним цепочку следов, потом он поднял голову и посмотрел на родных. Те взирали на него, широко раскрыв глаза, словно видели в первый раз. Следы на снежном саване напоминали неведомые древние знаки.

Дни становились короче, и семейство Пантелеевых все больше времени стало проводить в доме. Непрерывно топилась печка, благо дров хватало. Пришло время садиться за учебники. Мать всерьез взялась за образование детей. Учили математику, физику, иностранные языки – мать знала английский и французский. Нельзя сказать, чтобы дети уж очень соскучились по учебе, однако мать не обращала внимания на их кислые физиономии, и очень скоро ребята втянулись и большинство проблем исчезло.

Как только замерзло озеро и болота, отец стал ежедневно уходить на охоту. Белковать, как он выражался. Кроме двустволки, он привез с собой малокалиберный карабин и достаточно патронов. Кроме того, у него была Зана. Лайка здорово помогала в охоте. Пушной промысел, видимо, очень развлекал отца. В непогоду, когда он был вынужден оставаться дома, отец явно скучал, не находя себе дела. Он научил жену и детей выделывать шкурки, и мехов у них прибавлялось с каждым днем. В основном он добывал белок, но часто приносил рыжих лисиц, а иной раз и куниц. «Сошьем матери шубу», – часто говорил он. Скоро шкурок накопилось столько, что их стали использовать вместо одеял.

В ноябре Сереже исполнилось одиннадцать лет, и отец изредка стал брать его с собой на охоту и понемножку учить стрелять. «В случае чего ты – главный кормилец, – шутливо говорил он, – на тебя вся надежда». И хотя Сережа понимал, что до той поры, когда он действительно сможет добыть зверя, еще далеко, сердце его наполнялось уверенностью в себе.

Чем меньше оставалось времени до Нового года, тем чаще отец заговаривал, что было бы неплохо посетить город.

– Вы пообносились, – размышлял он, – керосину нужно раздобыть, патронов, пороху, да мало ли чего...

– Опасно, – возражала мать, – а если поймут?..

– Не поймут. Я осторожно. Да и надежные люди помогут укрыться. Деньги у нас есть, может быть, удастся продать часть пушнины. Что ж, неужели нам всю жизнь проводить здесь бирюками? Отправлюсь на разведку, а вы меня здесь подождите. Только ждите как следует...

– И все-таки рискованно, – сомневалась мать, – если тебя схватят, нам всем конец.

– Так уж и конец, – успокаивал ее отец, – запасов до лета хватит без всякого сомнения. Если со мной действительно что-то случится, по весне отправляйтесь в город... Вряд ли вас посмеют тронуть, но все равно постарайтесь тут же уехать. Езжайте в Питер. Не пропадете.

– Ты, Вася, зря нас пугаешь, никуда мы без тебя не поедem! – сердилась мать. – Оставайся здесь, сам же говоришь, что припасов достаточно. Да и одежда пока более-менее в порядке. Не стоит рисковать.

– Меня с бородой вряд ли кто узнает, – отшучивался отец, – а ехать так и так надо.

Мать и сама понимала, что поездка неизбежна, поэтому она перестала отговаривать отца и махнула рукой. «Только помни, что мы без тебя пропадем», – сказала она в заключение.

В один из серых тусклых дней, когда с неба падал редкий снежок, отец вывел из стойла застоявшегося Костю, взял мешок с провизией и, перекинув через плечо ружье, отправился в город. На привязи скакала Зана, недоумевая, почему это хозяин не берет ее на охоту.

Дети и мать стояли на крыльце и смотрели вслед отцу. Неожиданно мать подняла руку и перекрестила его удаляющуюся фигуру. Потом она молча вздохнула и пошла в дом. «Дай Бог, чтобы все прошло гладко», – только и сказала она.

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

1971 год, июнь. Москва

Будильник последний раз звякнул и замолк, словно в его механическую глотку кто-то затолкал кусок ваты. Стало совсем тихо, только на кухне из неплотно завинченного крана монотонно капала вода. Осипов проснулся, как только проклятая машинка начала брэнчать, распугивая сон. «И какая сволочь изобрела эти идиотские часы со звонком, – в полусне подумал он, – скорее всего американец. Видимо, получил заказ от капиталиста сделать все, чтобы рабочий не опаздывал на завод. И тем самым еще больше усилил эксплуатацию трудящихся».

Вставать не хотелось. Тем более что сегодня была суббота. Он перевел мутный взгляд на окно. На улице пасмурно и скучно. И это называется лето. Чтоб его!.. Осипов перевернулся на бок и постарался вспомнить, зачем он завел будильник на такую рань. Ах, да! Это гнусное дело, с которым он связался. Убийство... Черт дернул!.. И деньги... Он вспомнил о сумме, которую вручила генеральша, и смутная улыбка пробежала по лицу. Деньги нужно отрабатывать. Вопрос чести. Но подниматься не хотелось. А может, плюнуть и продолжать спать... Осипов задумался. Все равно выходило, что вставать так или иначе придется.

Он отбросил одеяло, поднялся с постели и вышел на балкон. На улице моросил мелкий теплый дождик. Настроение еще больше ухудшилось. Он прошлепал на кухню, поставил на газовую плиту чайник и некоторое время отстраненно смотрел на язычки нежного голубого пламени, выбивавшиеся из-под днища чайника.

Вчера Осипов почти весь вечер изучал дело об убийстве Валентина Сокольского. Одновременно он попивал купленное в соседнем гастрономе пиво и к одиннадцати часам осилил почти целую трехлитровку. Поэтому голова слегка побаливала, а во рту словно переночевал кавалерийский полк. В придачу беднягу донимала мощная изжога. На кухонном столе среди засохших корок сыра возвышалась давешняя трехлитровка с мутными остатками пива на дне. При виде этой декадентщины Осипов скривился и сглотнул слюну. Впрочем, мужественный журналист не поддался похмельному синдрому и выплеснул прокисшие опивки в раковину. Потом он смел крошки со стола, заварил крепчайший чай и, прихлебывая жидкость дегтярного оттенка, постарался восстановить ход вчерашних рассуждений. То ли пиво было тому причиной, то ли некий внутренний подъем, но вчера все казалось простым и ясным. Осипов даже похихикивал, злорадно представляя, как вытянутся лица у прославленных сотрудников МУРа, когда он преподнесет им убийцу на блюдечке. Перед глазами даже стояло это самое блюдечко, слегка надтреснутое, с розовыми цветочками. Точно такое же, в котором он за неимением пепельницы тушил окурки. Но вот сегодня... Сегодня все по-прежнему пребывало за туманной завесой неведения. С чего, собственно, начинать? Он снова раскрыл лежавшую на столе папку. Бледноватый машинописный текст сливался в серую однообразную массу, видом своим да и содержанием напоминавшую прокисшую манную кашу. Вчитываться в казенные строки ужас как не хотелось. Но деньги нужно отрабатывать.

«А почему бы не пойти по наиболее простому пути, – мелькнула вялая мыслишка, – пообщаться с приятелями убитого? С теми самыми, которые составили ему компанию на даче. Помнится, два парня и девушка, его однокурсники».

Осипов зашуршал страницами, отыскивая их адреса. «Ага. Вот! Кандалов Ростислав Петрович – студент третьего курса МГИМО, проживает в районе Таганской площади. Кутузов Владимир Ильич, студент того же института, живет в общежитии. И девица, некая Наталья Круль, временно не работает. Обитает в Выхине. Так-то они собрались готовиться к экзаменам. Девчонку с собой прихватили. А может, решили изучать анатомию? Интересно, входит ли в программу МГИМО курс анатомии? Может быть, дипломатам эта наука тоже необходима? – Он хмыкнул. – Разберемся. Отправляться, конечно, надо на Таганку. Кутузов из общаги вряд ли бывает в ней в период каникул, а выхинская Наташа скорее всего на лоне природы». Впрочем, возможно, он и ошибается.

Дом, в котором проживал Ростислав Кандалов, добротное солидное здание постройки конца сороковых годов с имперскими башенками, бордюрами и лепными украшениями на фасаде, являло собой незыблемый форт эпохи культа личности. В подобных домах, как правило, «ютятся» отставные генералы, чиновники высоких, но не высших рангов, удачливые бойцы культурного фронта. А вход в святилище охраняют грудастые тетki неопределенных лет – не то лифтерши, не то вахтерши. Однако в громадном парадном на этот раз оказалось пусто, и Осипов, присмотревшись к табличке с именами жильцов, определил, что путь лежит на шестой этаж. Лифт, в котором преобладал запах сапожной ваксы и одеколona «Шипр», неторопливо понес его на руководящие высоты. На звонок долго не открывали. Наконец из-за высоченной двери послышался недовольный голос:

– Кто там?

Осипов сказал, что по делу.

– Нету никого, – сообщил голос все с теми же интонациями, – все на даче.

– А Ростислав? – Да кто спрашивает?

– Из газеты, – официальным тоном отрекомендовался Осипов.

За дверью некоторое время сохранялось молчание, видимо, вызванное тяжким раздумьем. Наконец дубовая махина приоткрылась, придерживаемая цепочкой, и на него уставилась пара цепких старушечьих глаз. Бабка пытливо оглядела его с ног до головы, потом молча звякнула цепочкой и распахнула дверь. В просторной прихожей вспыхнул свет, и Осипов увидел крошечное высохшее создание, одетое в темное.

– Ростик! – крикнула бабка неожиданно зычным голосом. – К тебе!

Пока Осипов переминался с ноги на ногу, ожидая хозяина, старуха не спускала с него глаз, словно сторожевая овчарка, контролируя каждое движение. Наконец тяжелые бархатные портьеры шевельнулись, и возник высокий, атлетического сложения молодой человек, облаченный в яркие плавки. Кроме этой мелочи, остальные детали туалета отсутствовали.

– Чего надо? – сонно спросил детина, недоуменно шурясь на Осипова.

– Вот, к тебе пришел, – быстро сообщила старуха, – говорит, что из газеты.

– Из газеты? – удивленно и несколько растерянно переспросил парень. – Из какой газеты? Осипов отрекомендовался.

– Ты документы проверь, – бесцеремонно сказала старуха, – а то ходят здесь всякие...

Не дожидаясь просьб, Осипов достал из кармана свои «корочки» и протянул парню. Тот, видимо, испытывая некоторую неловкость, стал изучать редакционное удостоверение.

– Осипов?! – произнес он, точно пытаясь что-то вспомнить. – Ах, Осипов! Тот самый! Да вы проходите!

Недовольно фыркнув, старуха удалилась.

Иван привык, что его узнавали, поэтому восклицание парня польстило ему совсем чуть-чуть. Но тем не менее... Народ знает своих героев.

Обиталище молодого человека, просторная комната с эркером и высоченными потолками, выглядело настолько стандартно, что Осипов невольно усмехнулся. Приняв улыбку жур-

налиста за признак одобрения, атлетический юнец довольно ощерился и, кивнув на кресло, сообщил:

– Мое логово.

Осипов еще раз окинул взглядом убранство «логова». Два ярких плаката на стене – ансамбли «Битлз» и «Роллинг Стоунз», импортный магнитофон на полированной тумбочке, кассеты, лежащие повсюду, а также огромная неубранная тахта. Кроме плакатов, на стене висела черная икона и какие-то ржавые вериги. На полке громоздилась батарея пустых бутылок из-под заграничного спиртного. Все подобные жилища выглядели, по мнению Осипова, одинаково, с той лишь разницей, что вместо бутылок могла присутствовать коллекция сигаретных пачек, упаковок с жевательной резинкой или спортивных моделей и кубков.

– Музычку поставить? – предложил шустрый юнец. – Есть последние записи Джимми Хендрикса.

– Пока не надо, – осторожно сказал Осипов.

– Чай, кофе?..

– Если можно, кофе.

– Эй, Марфа! – прокричал парень в глубины квартиры. – Кофе вари и пожрать чего-нибудь приготовь!

– Так что же вас привело в наш дом? – с интересом спросил он.

– Писать о вас хочу, – сообщил Осипов.

– Обо мне? – Юнец удивленно и радостно осклабился. – Да, кстати, меня зовут Ростислав, – запоздало представился он.

– Я знаю. А меня Иван. И давай лучше на «ты».

– Отлично, – просиял Ростислав. – Так о чем же вы, то есть ты, хочешь писать? О моих спортивных достижениях? Я ядро толкаю. Тяжелый атлет, так сказать. Но ведь ты вроде о спорте не пишешь?

– Не пишу, – подтвердил Осипов. – Я о другом...

– Ну-у?..

– О Сокольском...

– О Валентине? – Радостная улыбка сползла с лица тяжелого атлета как бы кусочками. Губы его еще продолжали улыбаться, но глаза сделались холодными и настороженными. Он вскочил с тахты и забегал по комнате.

– Но его же убили?! – слегка успокоившись, произнес Ростислав.

– Вот-вот...

– Ага. Ты же по криминальной части... Судебные очерки... Как же?.. «Выстрел на окраине»... «Жареные» фактики выискиваете. – Он снова заметался. – Знаете что, товарищ корреспондент, на эту тему я беседовать с вами не желаю, уж извините!

– Ты вроде испугался?

– Вроде?! А чего мне пугаться? Меня уже пугали и так и сяк. В ментовке... Все признания добивались. Откуда я знаю, кто его убил? Только-только отстали. А теперь вот ты! Кто тебя послал? Менты?

– Да нет, я же говорю, что хочу написать судебный очерк. Произошло зверское убийство, а преступник так и не пойман.

– Тебя, наверное, мамаша Валькина подговорила. Или купила? – Парень пытливо взглянул на журналиста. – Скорее всего, второе. Ну признайся, тогда, может быть, чего и скажу.

– Мать Сокольского действительно встречалась со мной, – осторожно сказал Осипов, – но дело тут не в деньгах... Просто я специализируюсь на этой тематике...

– Тематике, – усмехнулся Ростислав. – Забашляли тебя, вот и вся тематика. Ладно, почему не поговорить.

Он нажал клавишу магнитофона. Из динамика полились жуткие, скрежещущие звуки, словно лесопилка пыталась в спешном порядке перевыполнить план.

– Классно! – убежденно сказал Ростислав, кивнув на магнитофон. – Джимми Хендрикс, «Электрик леди ленд», во чувак заливает. Ты знаешь, он самый клевый гитарист в мире. Круче нет. Играет не только руками, но и локтями, и даже зубами.

– А членом он не умеет?

– Членом? – Ростислав хихикнул. – Может, и членом умеет, а яйцами ритм отбивает... Вот-вот! Слышишь?! А? Классный рифф! А ты, я вижу, шутник. Хотя в роке, конечно, не сечешь... Этот придурак Валентин тоже не врубался. Ему все Том Джонс, Эйгельберт Хемпердинк, Элвис... Битлов, правда, слушал, но до «Роллингов» не допер. Ясное дело – «голубенький». Ты знаешь, что он был «голубым»?

Осипов кивнул.

– Mamочка его, что ли, просветила?

– Да нет, нашлись другие источники.

– Ну ясно, в ментовке сообщили! Впрочем, какая мне разница. Поговорить о Вальке я с тобой могу, хотя прекрасно понимаю, что ты ничего про него не напишешь. А если и попытаешься, то все равно материал не пройдет. Не пишут у нас об этом. Если только где на Западе опубликуют. Хотя сомнительно, ты же не враг себе. Скорее всего ты хочешь попытаться распутать это дело. Заплатили тебе, ты и отрабатываешь. Ладно, подкину информацию, но, если найдешь убийцу, с тебя ящик коньяка. Договорились? И еще одно условие. Нигде о том, что толковал со мной, не свисти. Я, конечно, ничего нового тебе не скажу, из меня в конторе все вытянули, но тем не менее моего имени упоминать не надо. А если... – Он не договорил и согнул руку, продемонстрировав могучие бицепсы. – Не посмотрю, что ты известный журналист. Можешь спрашивать.

– Ты был с ним в приятельских отношениях?

– Да не то, чтобы очень. Только в последнее время. Он, ты понимаешь... меня хотел. Ну как мужчину. – Ростислав усмехнулся. – Прямо, гад, домогался. Развращен он был до мозга костей. Я, конечно, тоже не ангел, но с педиками не якшался. По мне девочки лучше. Хотя у каждого свой вкус. Так вот. Валька в меня влюбился. Мне, конечно, смешно, а он... Ну, ладно, у него башлей – выше крыши, я, конечно, тоже не бедный, а он вообще. Крез! И нежадный. По кабакам любил шататься, ну и меня с собой. Вроде как похвалиться перед своими хотел. Падла такая... ты, наверное, даже не представляешь, сколько их в Москве. Но! – Ростислав поднял палец. – Конспирация у них будь здоров! Как у большевиков в период проклятого царизма. Вообще-то, конечно, я хватил... Никакой особой конспирации нет. Кентуются почти открыто. Но большие фигуры, кто этим делом балуется, те, конечно, стараются не светиться. Валька мне много чего порассказал. О некоторых и вовсе не подумаешь. На вид орел орлом. Героев в театре и кино играет, настоящих человекoв, а в натуре – пидор! Вот она какая – наша творческая интеллигенция. – Он хохотнул и замолк. Потом внимательно посмотрел на Осипова. – А ты вроде с бодуна? Что-то глаза больно красные. А, журналист? Вы вроде это дело любите. Давай похмелю, и разговор поживее пойдет. Эй, старая! – заорал он. – Ты где застряла? Тащи закуску. Хочу с хорошим человеком выпить.

Через пару минут старуха внесла поднос, на котором стояли две чашки дымящегося кофе и вазочка с печеньем.

– Колбасы принеси, – распорядился Ростислав, – и хлеба.

– С утра нажираешься, – заканючила старуха, – и вы, – она с укором посмотрела на Осипова, – а еще в газете работаете.

– Вали, вали, – беззлобно прикрикнул на нее хозяин. Он достал из тумбочки бутылку Айгешата. – Давай по портвешку пройдемся.

Я тебе вот что скажу, – произнес он немного погодя и вытер мокрые губы тыльной стороной ладони, – марочные вина не уважаю, больно сладкие. То ли дело обычный портвейн, ну, скажем, «13» или «66», а уж «Три семерки»... – Он закатил глаза. – Ну что, пресса, захо-рошело?

Осипов действительно почувствовал себя получше.

– А Валька любил именно такие напитки, – сообщил Ростислав, – собственно, это его Айгешат. Он мне как-то целый ящик приволок, мы с тобой остатки допиваем. Я всегда, между прочим, удивлялся, почему он не родился девчонкой. Что уж такое сотворила его мамаша, а может, съела чего не то... Вот и вырос... вместо дырки. Красивый мальчик был... Хотя определение «мальчик» к нему не подходит. Но в целом ничего, безвредный. В тот день, когда его грохнули... Помню, был конец апреля, до майских праздников оставалась неделя, стояла отличная погода. Почти лето. Солнечно, даже жарко. Он меня уговаривал на дачу к нему поехать. Видно, расчеты какие-то имел. Я тоже, знаешь, кое-чего планировал. А планировал я развлечься с одной классной кадрой – Наташкой (она тоже проходит по этому делу), и не где-нибудь, а на даче у нашего красавчика. Но главное, чтобы он ничего не знал, а то скандал, ревность и все такое прочее. Я Наташке сказал, что поедем с ночевкой к одному моему другу на дачу Министерства обороны. Роскошная хата, телефон, центральное отопление, мебель из красного дерева... Запудрил, одним словом, мозги. Но, говорю, мы вроде отправляемся готовиться к сессии. Приятель мой, толкую, отличник, очень правильный студент, гулянок не любит. Но ничего страшного. Выпьет чуток и развеселится. Ты, главное, не должна показывать, что моя девушка. До поры до времени, конечно. Пока он к тебе не привыкнет. А для этого я возьму с собой нашего одноклассника Вовку Кутузова, ты должна изображать, что ты – его подружка. Наташка сначала начала упираться, мол, что это ты придумал... Три парня, а я одна. Хором, мол, хотите... Я поклялся всеми клятвами, что все будет тип-топ. Никакого насилия, никакого криминала... И вот ведь сглазил! Мы приехали на дачу, выпивка, закуска... Музыка играет, танцы-шманцы затеяли. Все идет нормально. Вовка с Наташкой, а вокруг меня Валька увивается. А у него все ужимки бабские. Он даже, идиот, накрасился... Она, конечно, ничего понять не может, и глаза у нее становятся все круглее. Потом смотрю, они с Вовкой исчезли. Я, понимаешь, разозлился. Как же так, думаю. Ведь мы договорились и с ней, и с ним. Зачем же друга кидать? Минут через двадцать они появляются... Я на Наташку смотрю, вижу, ее смех распирает. Так и есть, думаю, уже... Но вроде не потные и одежда в порядке. А этот сукин сын ей все рассказал. Про Вальку то есть. Открыл глаза, ты понимаешь! Эта змея и решила развлечься за мой счет. Мы, значит, танцы устроили. Вовка с ней танцует, а в меня педик вцепился. Я, честно говоря, изнемогаю. Наконец, меняем партнеров. Валька сидит, а мы с Наташкой. И тут она молча расстегивает штаны и сует туда руку. Ты понял! Педик сидел-сидел и заплакал. Эта дура хохочет как сумасшедшая.

Тогда наш благодетель впадает в истерику и закатывает такой скандал, которого я, честно говоря, от него и не ожидал. Набросился на девку, вцепился ей в волосы, меня исцарапал. Откуда что и взялось. Я плюнул – и в дверь, а Наташка и Вовка за мной.

Прихожу на другой день на занятия. Вальки нет. Я не придал особого значения. Он вообще к учебе относился с прохладцей. На другой день опять его нет. Я решил: выдерживает характер. Потом его мать прибежала: где, спрашивает, Валентин? А я откуда знаю. Был, объясняю, вместе с нами на даче. Мы уехали, а он остался. Потом его находят в лесополосе. Первые подозреваемые, конечно, мы. Нас повезли на опознание. Ты себе не представляешь, как он выглядел. Наташка в обморок грохнулась. Вовка давай блевать, да и я... Менты, как я понимаю, хотели нас на испуг взять. Мол, посмотрите, что вы натворили, и колитесь скорее. Но нам виниться не в чем. К тому же нашлись свидетели – соседи по даче, которые видели, как мы уезжали в город, и время запомнили, а уж после этого, на следующий день, утром встретили Вальку живым и здоровым. То есть он еще минимум часов двенадцать был жив. А вот

что потом случилось? – Ростислав замолчал, налил себе вина и залпом выпил. – Эта история всем нам много крови испортила. Мало того, что в деканате меня и Вовку шпыняли, словно Белку и Стрелку. Дошло до ректора... Запахло отчислением. Хорошо, у меня предок – человек влиятельный. Заступился. У Наташки дома тоже скандал. Словом, влипли. Тут еще разные сплетни по институту пошли... «Голубой», не «голубой»... Бодяга!

– А как ты сам думаешь, кто его убил? У тебя на этот счет, наверное, есть собственное мнение?

Ростислав почесал затылок, облизнул губы и разлил остатки Айгешата по стаканам.

– Знаешь что, старичок, – насмешливо произнес он, – ты уж извини, но я не Шерлок Холмс. Мне это все ос...ло, ты не представляешь. Только из уважения к популярной молодежной газете, где ты пашешь, я с тобой сейчас говорю. И все-таки... – он замолчал и сделал важное лицо, – и все-таки, мистер Мейсон, я открою вам страшную тайну. – Он засмеялся. – Чейза читал? Хотя ты, наверное, по-английски ни бум-бум. Так вот. Я думаю, что его убили свои. Так называемые гомосексуалисты. Из ревности.

– Это я уже слышал, – равнодушно сказал Осипов.

– Послушай еще раз. Ты понимаешь, в этой среде господствуют такие страсти, куда там Отелло. Пришибли его свои. Может быть, даже из-за меня. Приревновали.

– А почему тебя не пришибли?

– Типун тебе на язык! Что за глупости! Я-то тут при чем? Клянусь, у нас ничего не было. Впрочем, у меня есть еще одна версия. О ней я никому еще не говорил, ни единой душе.

– Ну и?..

– Какой скорый. Тут без второго пузыря не разобраться.

Осипов вздохнул и покорно кивнул.

– Прости, друг Валюха! – шутовски заголосил Ростислав, доставая из тумбочки очередной Айгешат. – Ты мертв, а твое вино пока еще в бутылке.

Потом он принял позу вдохновенного поэта и, подняв над головой руку с бутылкой, торжественно прочел:

Упитья торопись вином: за шестьдесят
Тебе удастся ли перевалить? Навряд —
Покуда череп твой в кувшин не превратили,
Ты с кувшином вина не расставайся, брат.

Этому нас учит славный Омар Хайям. Так-то вот, пресса! Мы тоже не лаптем щи хлебаем. Он разлил вино по стаканам.

– Давай помянем раба Божьего Валентина. Хоть и непутевый был гражданин Страны Советов, но уж пусть ему земля будет пухом. – Он задумался и потом внимательно посмотрел на Осипова: – А ты правда хочешь влезть в это дело?

Иван пожал плечами:

– Уже влез.

– Сколько же она тебе пообещала?

– «Волгу».

– Ого! Не хило! Правда, ты не видел Вальку, лежащего на столе в морге, а я видел. И честно тебе скажу, даже за «кадиллак» не стал бы связываться. Впрочем, не хочу навязывать своего мнения. Ладно, скажу все до конца. Как-то у меня с покойным зашел разговор о специфических нравах так называемых сексуальных меньшинств. Он, конечно, начал хвастаться своими знакомствами. Разболтался, как попугай, а потом и говорит: «Есть такая разновидность сексуальных маньяков, которая получает удовлетворение от истязания и убийства гомосексуалистов». Я пропустил его сообщение мимо ушей. Тогда он продолжает: «Именно такой маньяк

появился в Москве. На его счету уже две жертвы. Одного человека убили в августе прошлого года, другого в январе нынешнего – 71-го!» А что же, спрашиваю, милиция? «Да ничего, – отвечает, – им до нас дела нет. Впрочем, возможно, они в курсе и даже знают, кто этот человек. Скорее всего, очень большая фигура. Величина! Ты понимаешь, этот нелюдь, – он так и сказал – нелюдь, – в данном случае выполняет вроде бы санитарную миссию. Знаешь, как хищники: волки, медведи там, слабых и больных животных добивают. Обычные люди нас не любят, сторонятся, издеваются, а некоторые просто ненавидят. А этот вроде бы оздоравливает общество. Ну и удовольствие получает, балдеет... Что из того, что мы не такие, ведь мы никого не совращаем...» Ну-ну, подумал я, не совращаете, но промолчал. Вот и сейчас, возможно, крадется по чьему-то следу, – неожиданно сказал Ростислав. – Разговор этот состоялся у нас в конце зимы, а через два месяца... Ладно. Выпьем, брат!

– А в милиции ты об этом не рассказывал?

Ростислав покачал головой.

– Кому? Этим?.. Они меня в первый день в капэзухе закрыли, потом избивать попробовали.

– Отбился? Конечно, с твоей мускулатурой...

– Мускулатурой!.. Они и слона уложат. Вдесятером-то. Просто я напомнил им, кто мой папа.

Стружка, выползавшая из-под рубанка, напоминала завитки сливочного масла и выглядела настолько аппетитно, что ее хотелось попробовать на вкус.

– Все-таки сосна – отличное дерево, – заявил Безменов, методично водя по доске рубанком.

– Дерево-то ничего, мягкое, красивое, – согласился Осипов, – непрочное только.

– Ну не скажи. – Безменов остановился и провел ладонью по струганой поверхности, проверяя ее на гладкость. – Из сосны корабельные мачты делали, такелаж там всякий, рангоуты...

– Такелаж – это не дерево, а снасти.

– Ну, извини! Какая разница... Главное – мачты. А мачта, сам понимаешь, противостоит ветрам и ураганам. Ее из всякой дряни делать не станут. – Он усмехнулся. – А мне вовсе не мачту нужно... Обошью баньку сосновым шпоном, представляешь – аромат бора.

Воскресный день только начинался, но июльское солнце припекало не на шутку. «Денек, судя по всему, будет знойным», – подумал Осипов и покосился на Илью.

– Пива бы сейчас...

– Пивка? – Безменов отложил в сторону доску и посмотрел на товарища. – А не рано ли? Осипов хмыкнул.

– Пиво никогда не оказывается рано или поздно. Во всяком случае, для меня.

– Даша! – крикнул Безменов. – Принеси банку из погреба! Я, ты понимаешь, не сельский человек, – сообщил он, – но вот дача, она как-то сближает меня с природой. Как-то вдохновляет на трудовые подвиги, вот, скажем, эта доска...

– Послушай, Илья, – перебил его Осипов, – я все-таки хотел бы узнать твое мнение о том, что я тебе рассказал.

– Если бы ты не связывался с разными глупостями, а каждый выходной исправно помогал мне возводить сей бельведер, пользы было бы больше, – заметил Безменов, – трудотерапия, свежий воздух, купание в речке. Плюс пиво, разумеется, за мой счет. Неужели не привлекает?

– Почему же, привлекает. Даже искушает. Но все же? – С Ильей Безменовым Осипов был знаком с семилетнего возраста, с того момента, как их обоих посадили в первом классе за одну парту. Детская дружба переросла в юношескую, и, хотя их жизненные пути разошлись, многолетняя привязанность с годами не ослабевала. Илья Безменов подался в правоохранительные органы, и не без его помощи Осипов писал свои знаменитые криминальные статьи. Уже

несколько лет Илья возводил дом в одном из подмосковных дачных кооперативов, а Осипов от случая к случаю оказывал посильную помощь, сводившуюся зачастую к потреблению огромного количества пива. Сегодня он без приглашения явился на участок с единственной целью: посоветоваться, а возможно, и узнать нечто новое по делу, которым его вынудили заниматься.

Даша, дочь Безменова, принесла запотевшую банку, и приятели, усевшись в тени за домом, наполнили стаканы.

– Ты знаешь, – задумчиво сказал Илья, – я совсем недавно выяснил, что вон в той убогой речушке водятся гигантские раки. Ты представляешь?! Кто бы мог подумать? Не организовать ли нам после обеда экспедицию в ее глубины? Раки и пиво! Это фантастика!

– Я не против, и все-таки, может быть, скажешь несколько слово по делу?

– По делу... Ну что ж. Я считаю, что ты по уши в дерьме. Говорю это совершенно серьезно, безо всяких подначек... Тебя, очевидно, хотят подставить. Не знаю уж, с какой целью, но подставка явная.

– Поконкретней, пожалуйста.

– Ради Бога. Дело это, как тебе правильно объяснили, дохлое. Никому связываться неохота. Вот оно и повисло. Но даже если бы за него взялись всерьез, результат, я думаю, был бы скорее всего нулевой. Причин тут несколько. Во-первых, как я понял, у следствия слишком мало улик. Ведь так? Ты же внимательно просмотрел материалы. Труп найден в лесополосе. Никаких следов. Нанесенные увечья даже не дают возможности точно идентифицировать орудие убийства. Но, самое главное, убитый принадлежал к тому специфическому кругу людей, с которым предпочитают не связываться.

– Почему?

Безменов поморщился.

– Тебе же объяснили. Развлечения этой публики подпадают под статью Уголовного кодекса. Но, как правило, осужденных по ней бывает крайне мало. Доказать что-нибудь невозможно. Поэтому и не связываются. И не потому, что брезгуют. Никто ничего рассказывать не станет. Они всегда молчат. Еще один нюанс. Среди этих... «голубых» встречаются очень влиятельные лица, что тоже играет свою роль. На Петровке, очевидно, зашли в тупик, а мамочка убитого и те, кто за ней стоит, требуют результатов, вот поэтому нашли тебя, дурака... Что-нибудь отыщешь – хорошо, не отыщешь – с тебя и спросу нет. Что касается журналистской стороны... Ведь у нас не Америка. О таком не пишут: строжайшее табу. Серийные убийства, маньяки – это все на Западе. А у нас этого нет, как нет и организованной преступности. Последний раз о серийных убийцах писали в прессе, наверное, в двадцатых годах, когда идеи Фрейда еще не были под запретом. Да, именно в начале двадцатых, дело извозчика Комарова в частности. Очень нашумевшее преступление. А потом – все! У Шейнина в «Записках следователя» тоже кое-что имеется на эту тему, но Шейнин подводит под все подобные преступления социальные и политические мотивы, классовую борьбу, а отнюдь не подсознание.

– Что это за извозчик?

– Комаров? А ты неужели не слыхал? Как же, кровавый убийца. Человек тридцать угробил. Жил, помнится, где-то на Шаболовке. Приезжал, понимаешь, на базар, вроде бы желал продать лошадь, заманивал покупателей и... молотком по темени. А дальше – в рогожный куль и бросал где-нибудь в развалинах. Деньги, естественно, забирал себе. Жена его была в курсе и даже помогала... Самое интересное: на суде он заявил, что убивал вовсе не из-за денег, а «не любил людей». Причем сообщил это совершенно серьезно. Словом, патология. Говорили даже, что он кормил свиней внутренностями убитых, но не подтвердилось. Словом, мрак...

– И какой же приговор вынес суд?

– Расстреляли вместе с женой.

– Помнится, несколько лет назад в «Неделе» имелась публикация о каком-то мерзавце, который ходил по квартирам, представлялся работником Мосгаза, убивал детей, женщин?..

– Да, да, был такой. Но там просматривались исключительно корыстные побуждения. Никакой патологии. Я тебе говорю, патология только на Западе. Некий тип залезает на башню университетского городка в Техасе, по-моему в городе Остин, и открывает стрельбу по мирным гражданам... Там же, в Соединенных Штатах, моряк, заметь, безработный, убивает нескольких студенток в общежитии. Да мало ли еще примеров... В наших газетах пишут о подобных преступлениях там, «у них», чуть ли не каждый день. Конечно, все это пропаганда, но лично я считаю – и правильно не сообщают об аналогичных фактах, имеющихся в нашей стране. Нечего рекламировать! А то может получиться цепная реакция. Один идиот прочитал о мерзостях, которые творит другой идиот. И сам захочет проделать нечто подобное.

– Ну ты даешь! – Осипов недовольно поморщился. – Нельзя говорить об этом, нельзя писать о том... Зачем же тогда пресса? Воспевать и восхвалять?

– Такова моя точка зрения. Я не пытаюсь, как ты видишь, отстаивать свою правоту. Но тем не менее на том стою.

– А вообще есть ли факты о преступлениях на сексуальной почве, связанных с извращениями?

– Да сколько угодно! – усмехнулся Илья.

– Почему же они происходят, если, как ты говоришь, маньякам неоткуда черпать примеры?

– Беспредметный разговор. Ты лучше спрашивай по делу.

– Хорошо. Приятель убитого утверждает, что милиция, возможно, знает, кто преступник.

– Маловероятно. Хотя... Словом, ничего конкретного по этому поводу сказать не имею.

– А не мог бы ты узнать, действительно ли в последнее время случилось несколько убийств гомосексуалистов?

– Разглашение служебной информации... Попробую, но не обещаю наверняка. А почему бы тебе не обратиться к этому, как там его фамилия? Голованову. Ведь он обещал тебе помочь. Вот через него и действуй.

– Ты что же, боишься?

Безменов засмеялся:

– Не надо меня доставать. Я же сказал, попробую что-нибудь узнать. Но тебе же будет интереснее, если информация поступит из разных источников. Колай, ты же журналист. К тому же тебе обещано крупное вознаграждение. Ладно, пойдем строгать доски, а потом – за раками.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1

1939 год. Югорск

Отец вернулся из города перед самым Новым годом, ровно через десять дней. Именно на такой срок он и рассчитывал. За все время его отсутствия мать, казалось, не проявляла особого беспокойства, и все же почти весь последний, десятый, день они провели на открытом воздухе, высматривая отца.

Падал снег, хмурый безветренный денек подходил к концу. Начинало смеркаться. В этот момент где-то за деревьями послышались посторонние звуки, и на опушку вышел отец, ведя под уздцы тяжело нагруженного Костю.

Мать и дети бросились навстречу.

Вечером после бани все собрались за столом перед керосиновой лампой. Ждали новостей. Чувствовалось, что отца распирает от сообщений, однако до поры до времени он помалкивал, рассказывая о том, как добрался, что видел по дороге, перечисляя свои приобретения. Привез он в общем-то самые обычные вещи: керосин, кое-что из одежды, чай, сахар и конфеты, запас пороха, дрови и пуль, несколько волчьих капканов, книги, бинокль, иголки и нитки...

И куклу сестре...

Сергей почему-то отчетливо запомнил эту куклу, далеко не новую, из папье-маше, с грубо раскрашенным лицом и облупленным носом. Куклу-монстра. Почему-то она показалась мальчику отталкивающей. А сестре? Ей было уже почти пятнадцать... Девушка. Зачем ей кукла? Но Женя так обрадовалась, словно встретилась со своей лучшей подругой, которую не видела много дней. Она прижала к себе несчастную уродину и не расставалась с ней весь вечер. И остальные вечера тоже.

– Ну же! – воскликнула мать, требовательно глядя на отца. – Не тяни!

– Расскажи, расскажи, папа, что там в городе? – закричала сестра, сжимая куклу. Сережа молчал, как и подобает мужчине, сохраняя выдержку, но и он дрожал от нетерпения.

– В городе? – с деланным равнодушием переспросил отец. – А что в городе может быть нового? То ли дело здесь... – Он усмехнулся. – Перемен довольно много, – тон его стал серьезным. – Главное, перестали арестовывать.

– Неужели? – Мать подалась вперед.

– Представь себе. Тут вот у меня газеты...

– Да не надо газет! Расскажи своими словами!

– Народного комиссара внутренних дел товарища Ежова расстреляли, оказывается, был врагом народа. Сообщили о перегибах, вредительстве в органах. Ну и тому подобное. Кстати, нашего уполномоченного НКВД Козулина помнишь? Тоже забрали. Видно, после ареста Ежова в органах началась чистка.

– Так, значит, – прерывающимся голосом спросила мать, – террор кончился? Справедливость восторжествовала? Отлились кошке мышканы слезки. И теперь можно... – Она не закончила фразу, и на глазах ее показались слезы.

– погоди, – резко сказал отец, – рано радоваться. Я не думаю, что все прекратилось и теперь настала тишь да гладь. Возглавил НКВД некий Берия. Из Грузии. Не думаю, что он окажется лучше своего предшественника. Одним миром мазаны. Ведь если бы действительно

хотели признать ошибки, то пересмотрели бы следственные дела, выпустили бы невинно осужденных, а никто не вернулся.

– Значит? – обреченно спросила мать.

– Значит, пока остаемся здесь, а там видно будет. И не стоит повторяться. Опять вспоминать про лагерь... Про приют... Вам тут так уж плохо? Не голодно, привольно... Чего еще надо?!

– Здесь не хватает самого главного – людей. Даже если бы мы жили в колонии для проказенных или в сумасшедшем доме – и то было бы веселее.

– Я не понимаю, какое веселье тебе нужно? – вскипел отец.

– Ладно, оставим этот беспочвенный разговор, – махнула рукой мать.

Тему действительно сменили. Отец стал рассказывать, что нового произошло в городке. Оказалось, что в общем-то ничего особенного и не произошло. Он пересказывал сплетни, какие-то малозначительные события, подчеркивал, какая в Югорске скучища и тоска. Даже Сережа из его сообщений должен был сообразить, что в лесу жить значительно лучше.

– Я одного не понимаю, – язвительно спросила мать, – почему ты не пригласил к нам в гости кого-нибудь из знакомых, глядишь, им бы и веселей стало. А то они, бедные, у себя в городе от скукидохнут.

Отец насупился и замолчал.

– Выходит, вы мне не рады? – наконец тихо спросил он.

– Да рады, рады!!! – Мать вскочила и заметалась по горнице. – Что ты все – рады, не рады... Сколько нам тут еще томиться? Ведь хуже каторги! Сами себя замуровали!

Сережа не особенно понимал, почему мать так часто тяжело вздыхает, поглядывает на него и сестру, почему сестра иногда беспричинно начинает плакать. В душе он, конечно, догадывался, что это вызвано именно тем, что они живут в лесу, вдали от людей. Но вот почему им не нравилось жить именно здесь, не укладывалось в его голове. Ну что, скажите, может быть лучше леса? Да, здесь нет людей. Но так ли это плохо? По его, Сережиному, мнению, вовсе даже нет. Он вспоминал класс, в котором учился. Гомонящую, вечно дерущуюся толпу, всегда полуголодную и оттого злую, устраивающую друг другу мелкие пакости. Даже во время игр они оставались такими же гадкими и нетерпимыми. Если, например, начинали играть в Чапаева, то Чапаевым хотел быть каждый, а белым генералом никто. Но почему? Докажи ловкостью, смекалкой, что ты самый первый, и нет никакой разницы, как тебя назовут: Василием Ивановичем или Колчаком. Так ведь нет! Даже Минька Арбузов, золотушный паренек, у которого под носом постоянно висели зеленые сопли, и тот желал быть Чапаевым или, на худой конец, Петькой.

Дети представлялись Сереже серой копошащейся массой каких-то злобных бессмысленных зверьков наподобие мышей или крыс. Конечно, если общаться с кем-нибудь одним, то иной раз этот маленький человечек мог оказаться интересным и даже вызвать завистливое восхищение, как, например, их сосед косой Зосима, который мог продержаться под водой без дыхания больше всех. Но тот же Зосима в общей массе ничем особым не выделялся, разве только своей косиной. Однажды, Сережа хорошо помнил этот случай, он украл у него коробку с маленькой коллекцией перышек для письма, а свалил на все того же золотушного Арбуза. Сережа сам видел, как Зосима лазил к нему в парту и, недолго думая, восстановил справедливость, отлупив косого. Но и тогда, размазывая по лицу кровь из разбитого носа, Зосима не признался в воровстве, а заявил, что поддался училкиному сынку только потому, что опасался мести с ее стороны. Странно, косой не боялся нырять между сваями и ржавым железом в заводском пруду, где в любую минуту мог запутаться в гнилой проволоке, а сейчас оказался вором и трусом.

Впрочем, и взрослые были не лучше. Они пьянствовали, непрерывно выясняя между собой отношения, иногда дрались так же ожесточенно и свирепо, как и их сыновья. Они сплет-

ничали друг о друге, завидовали, унижались, лебезили и лицемерили. Они казались Сереже тусклыми и скучными, словно давно не мытые окна.

В лесу все было по-другому. Здесь все просто и понятно. Сильный выживает, слабый погибает, но при этом все находятся в равных условиях. И никому ни до кого нет дела. Здесь нет напрасной ненависти и обид, нет злобы и подлости, а есть только необходимость и инстинкт выживания.

И ему здесь простор. Воля. Одиночество.

Сережа предполагал, хотя не знал наверняка, что и отец мыслит примерно так же, как и он. Иначе зачем забрался в эти дебри, ведь не от страха же? Может быть, именно в лесу он по-настоящему чувствовал себя человеком.

А мать и сестра? Они слабы, вот им и хочется в общество себе подобных.

2

Между тем зима разошлась не на шутку. Снегопады кончились, но начались холода. И хотя продолжительность дня увеличивалась, морозы крепчали день ото дня. Стояла ясная безоблачная погода. Повисшее над лесом белесое небо напоминало кусок льда, солнце едва поднималось над горизонтом и неуверенно мерцало, словно не в силах пробиться сквозь полярную стужу. Лес замерз. Жизнь, казалось, ушла куда-то прочь. Страшная, смертельная ледяная тишина господствовала вокруг. Лишь время от времени безмолвие пронзал сухой стеклянный треск – это от мороза лопались стволы деревьев.

Пантелеевы почти не высовывали носов из избы. В этом не было необходимости. Даже дрова лежали под боком, за дверью. Если кому и случалось на несколько минут оказаться на улице, то ресницы и брови тут же заиндевели от собственного дыхания. Однако дом оказался настолько теплым, что внутри морозов не чувствовалось. Неизвестные строители знали свое дело. Обитые шкурами двери не пропускали холода, день и ночь топилась печь, и все же ощущение уюта не приходило. Некая напряженность витала в атмосфере избы, словно ее отравлял легкий угарец. Дети стали сонными и вялыми, подолгу спали, а если и бодрствовали, то слонялись по горнице словно вареные. Отец с матерью пытались расшевелить их, но это плохо удавалось, даже занятия были на время прекращены. Тогда отцу пришла мысль читать вслух. Начал он с «Трех мушкетеров». Читал, сколько хватало сил, потом его сменяла мать. Дюма оказался чем-то вроде возбуждающего лекарства. Сонная одурь пропала, дети, затаив дыхание, слушали о приключениях мушкетеров. Одолели и «Двадцать...» и «Десять лет спустя», добрались и до «Графа Монте-Кристо», первый том бессмертного романа произвел еще большее впечатление, чем похождения Атоса, Портоса, Арамиса и Д'Артаньяна. Судьба Эдмона Дантеса в чем-то перекрещивалась с их собственными судьбами.

3

– Как все-таки ты нашел это место? – поинтересовалась мать, после того как отец, решив передохнуть, отложил роман в сторону.

– Какое место? – не понял он.

– Наше нынешнее обиталище.

– А-а... – Он задумался. – Лет пять назад в больницу поступил довольно странный человек, мужчина лет пятидесяти, без всяких документов, к тому же в тяжелейшем состоянии. У него держалась очень высокая температура, типичная для крупозного воспаления легких. Кто он такой, я до сих пор не знаю. Среди его немногочисленных вещей я обнаружил карту, на которой и было указано расположение нашей заимки. Вот и все. О карте я вспомнил два года

назад и решил проверить, действительно ли в тайге имеется заимка. Со второго раза обнаружил... И вот она нам пригодилась.

– Что все же это был за человек?

– Я же говорю – не знаю! Скорее всего старообрядец. Кержак, как здесь говорят. Ты, наверное, тоже не раз слышала, что в здешних лесах до сих пор существуют старообрядческие скиты. Впрочем, это скорее всего легенды. Но, безусловно, такие поселения существовали в прошлом, и наш дом – тому пример. Человек, которому принадлежала карта, умер, не приходя в сознание. Перед смертью он долго бредил, говорил довольно странные вещи. Словом, был не в себе.

– Что, например?

– Говорил-то? Читал молитвы, поминал злых духов, плел разную околесицу... Я же говорю, у него был сильный жар. Да, говорил об оборотнях... Называл какое-то нерусское имя. Я, честно говоря, не помню. Ням или Нам, а может, Нум – что-то в этом роде. Вроде этот Нум преследует его и его близких за грехи и гордыню... Я же говорю, не очень вслушивался.

– А кроме карты, что при нем было?

– Да ничего особенного. Спички и кресало. Я даже удивился, зачем ему одновременно спички и кресало. Свеча какая-то странная, вернее, огарок. Я так и не понял, из какого жира она сделана. Что еще? Крест на шее. Ложка деревянная, несколько ружейных патронов... Не густо.

– А потом? – спросил Сережа.

– Что потом? Похоронили его на кладбище, и все. Скорее всего в заимке случилась какая-то эпидемия, может быть, цинга их одолела, может, еще какая-то зараза. Но, судя по всему, здесь жили две семьи – в нашем и в соседнем доме. Да и по орудиям, инструментам можно определить: людей здесь имелось достаточно. Лопат вон сколько. Топоры, пилы, даже небольшая кузница у них существовала. Хозяйствовали, как видно, не одно десятилетие. Да потом дом на соседнем озере, там, где я книгу нашел, он побольше нашего, правда, очень обветшал, его, видать, покинули довольно давно.

– Что, кстати, за книга? Ты, я видела, совсем недавно листал ее.

– Нечто вроде дневника.

Отец достал черную книгу и расстегнул застёжки.

– Писано, судя по всему, на протяжении многих лет разными людьми, почерки явно несхожи, некоторые места просто невозможно прочитать, текст сбивчив, бессвязен... К тому же сам язык очень архаичен, встречается церковно-славянская лексика и грубое просторечие и рядом какой-то почти непонятный диалект. Да и летосчисление... До Петра Великого на Руси отсчет лет велся не от Рождества Христова, как сейчас, а от сотворения мира. Я даже приблизительно не помню, как перевести даты, имеющиеся в данной книге, в привычные нам. Вот, например, тут написано: «В лето 7364-е случился худой урожай конопли...» Когда это произошло? В позапрошлом или прошлом веке? В основном в книге речь идет о разных событиях, происходивших на заимке: погоде, урожаях, охоте, о посещении ее каким-нибудь прохожим. Подробно рассказывается о молениях и радениях... встречается и непонятная мистика. Довольно часто попадает упоминание о некоем чудовище, посланном вроде бы за грехи и неусердное моление Господу. Вне всякого сомнения, никакого чудовища на самом деле не существовало. Скорее всего писавший эту чушь начитался Библии и по-своему изложил одну из ее глав – «Откровения святого Иоанна Богослова» – «Апокалипсис». Там речь тоже ведется о разных чудовищах и знаменьях. В общем-то, на мой взгляд... – отец закрыл книгу, аккуратно застегнул застёжки, – давайте-ка лучше вернемся к «Графу Монте-Кристо».

Ночью Сережа долго не мог заснуть. Он раскинулся на теплой лежанке русской печи и раздумывал: что же это за чудовище, о котором упоминалось в черной книге. А может быть,

действительно в здешних лесах водится огромный страшный зверь, который только и ждет случая, чтобы напасть на них?

Однако, если бы этот зверь желал напасть, он бы, наверное, уже давно осуществил свой замысел.

Мальчик услышал какой-то шорох и повернулся посмотреть, что там происходит. Он увидел силуэт отца, который осторожно встал со своей постели и перебрался к матери. В темноте Сережа различил какую-то возню, потом вздохи и сопение. Сережа не первый раз наблюдал подобную сцену. Кажется, это называется любовью, а еще... он вспомнил дружный гогот мальчишек, когда они, собравшись в кружок, рассказывали о подсмотренном. Большинство жило в тесноте, вот как они теперь, и поводов удовлетворить любопытство было достаточно. Да и их родители, как понимал Сережа, не особенно и стеснялись. Лишь только погаснет в комнате свет, они... Сережа вспомнил слово, которым пользовались мальчишки. Гадкое слово, но что-то есть в нем притягательное. Грязное, но сладенькое, словно кто-то внутри щекочет гусиным перышком. Вообще запрещенные слова вызвали у мальчика двойственное чувство. С одной стороны, было неловко их слышать, а слышал он их достаточно часто, конечно, не здесь, а в городе. С другой – ему нравилось их смачное, словно жирный плевок, короткое емкое звучание. Иногда, уйдя подальше в лес, Сережа несколько раз вслух громко и отчетливо произносил ругательства, стыдясь и упиваясь одновременно. В запретных вещах действительно имелась своя прелесть.

Так, размышляя о непристойной лексике и пытаясь разглядеть, что происходит на кровати родителей, лежал мальчик, как вдруг ему показалось, что возле дома кто-то ходит. Он прислушался. За окном раздавался отчетливый скрип снега. Но вовсе не такой скрип, какой издает при ходьбе человек. Казалось, нечто огромное очень осторожно и даже боязливо топталось возле избы. Вот шуршание снега прекратилось, словно нечто замерло, прислушиваясь. Вот снова двинулось... Интересно, слышат ли родители? Вряд ли. Им не до этого. А остальные? Сестра, наверное, спит. А Зана? Лайка чуть слышно заскулила. Неужели она тоже почувяла? А может, это только снится ему? Если бы вокруг дома слонялся зверь, Зана прореагировала бы по-другому. Она подняла бы такой лай, что все наверняка проснулись бы, а сейчас всего лишь тихонечко поскуливает. А может, ей очень страшно? Сережа снова прислушался. Нет. Тихо. Неужели показалось? Наслушался рассказов отца, вот и мерещится. Все равно он утром проверит. Если зверь действительно проходил, наверняка останутся следы. Огромный зверь! А вот снова!.. Или он все-таки спит? Сон или не сон? А почему бы сейчас не посмотреть, кто гуляет возле дома. Мальчик соскочил с печки и, как был, в теплой длинной рубашке, выскользнул за дверь. Так и есть. Вот оно – чудовище. Возвышается над избой. Огромное, темное, но вроде бы не страшное. Даже наоборот. Оно вовсе не желает им зла. Ох, на что же оно похоже? Туманное, лохматое... Красные горящие глаза. Оно словно манит к себе, не дает отвести взгляд... Зовет... Зовет... Приближается... Сережа дернулся и проснулся. Стояла мертвая тишина, прерываемая лишь легким похрапыванием спящих родителей и сестры. Значит, это был только сон, и все же утром нужно проверить, есть ли на снегу следы.

4

Зима наконец-то закончилась. В самом ее конце отец снова сходил в город и помимо прочего привез оттуда трех куриц и петуха, кроме того, каким-то уж и вовсе неведомым образом он сумел приволоочь козу. Коза недовольно встряхивала рогатой головой и косила диким янтарным глазом. «Коза стельная, – сообщил отец гордо, – скоро с молоком будем». Нельзя сказать, чтобы новые животные доставили обитателям заимки особую радость. Только отец довольно потирал руки. Хозяйство налаживалось, а это не могло не радовать его.

Стоит ли рассказывать, что с наступлением весны жизнь их наполнилась работой – изнуряющей, опостылевшей, но необходимой. Необходимой, чтобы выжить. Посеяли рожь, потом овес, картошку... Подоспела пора огорода. И весь день они не разгибали спины. Сережа трудился не меньше других, полол, окучивал, приглядывал за недавно родившимся козленком. И все же, уловив свободный момент, он стремился в лес.

Если в прошлом году отец не приветствовал его отлучки, опасаясь, что он попадет в беду, то теперь смотрел на них сквозь пальцы, видя, что сын ориентируется в лесу почти так же хорошо, как и он сам. Даже мать, иной раз и ворчавшая, воспринимала длительное отсутствие сына достаточно спокойно. И только сестра тревожно поглядывала на Сережу, словно опасалась, что в лесу с ним произошло что-то непонятное, и он скрывает это.

Однако ничего страшного не происходило. Сережа прекрасно изучил окрестности их обиталища. Примерно в километре от дома, если идти на север, начинались болота. Это были огромные пустоши, на которых кое-где островами возвышались небольшие сосновые лески. Местами водная трясина переходила в сухие на вид участки, покрытые ярким ядовито-изумрудным мхом. Сережа знал, что под этой предательской растительностью могут скрываться так называемые окна – глубокие топкие места, из которых почти невозможно выбраться в одиночку. Иногда болота неожиданно превращались в небольшие озерца, соединявшиеся между собой протоками и ручьями. Топи тянулись на десятки, а возможно, и сотни километров. Летом они были даже красивы. Шелестела осока, яркие цветы покрывали зеленые лужайки. Здесь кипела невидимая несведущему глазу жизнь. В камышах и осоке гнездились множество птиц: утки, кулики, какая-то неведомая мелочь. В начале лета ночами стоял неумолчный гул – то пели лягушки. Их тут было, наверное, миллионы. На болотах встречались водяные крысы и даже бобры.

Первое время Сережа страшился этих обманчивых топких пространств. Он опасливо стоял на мшистом берегу и следил, как огромный лунь чертит воздух над болотами.

Странная эта птица то припадала к самой воде, то взмывала высоко в воздух. Она, казалось, повелевала здесь всем. Сережа нагнулся, сорвал веточку прошлогодней клюквы и, морщась, стал жевать. Болота и притягивали, и отталкивали одновременно. И не только своей реальной опасностью. Сереже казалось, что нечто страшное, незримое присутствует в этих местах. Оно прячется в густой осоке, звучит в резком писке болотной птицы, заставляет вздрагивать, когда из-под ног внезапно выскакивает лягушка и шумно плюхается в воду. Довольно быстро Сережа понял, как зовется это незримое нечто. Имя ему – смерть.

На болотах, конечно, полно жизни. Но почему же тогда охватывает тут беспричинная грусть, почему ни с того ни с сего сжимается в неясном предчувствии сердце? Что-то давит тяжелой угнетающей волной.

Но таким было лишь первое ощущение. Чем больше бывал Сережа на болотах, тем больше его тянуло сюда. Пропал страх перед топью, он прекрасно ориентировался на этих зыбких коварных пустошах, усыпанных клюквой и морошкой. Нога пружинила в мшистой поверхности, как в дорогом ковре, и мальчик научился различать, как вел себя под ногой мох на безопасном месте и там, где под зеленой бархатистой поверхностью скрывалась бездонная яма.

Особенно привлекали мальчика заросшие сосной острова, стоящие посреди болот. Ему казалось, нечто неведомое таится именно там, в местах, где скорее никогда не ступала нога человека. Кстати сказать, следы присутствия человека встречались чаще, чем это можно было предположить в столь глухих местах. То попадется старый, почти затекший затес на березе, то гнилой пень от явно срубленного дерева. Раз Сережа набрел в сосняке на остатки саней или нарт. Люди, конечно, бывали в этих местах, в этом не было сомнения, однако оставалось неясным, почему они покинули здешний край. Несколько раз мальчик ходил к заброшенному дому, стоящему на берегу соседнего озера. Лесная поросль вплотную подошла к его стенам. Молодая осинка проросла прямо через порог.

Сереза побродил по пустой горнице. Пол подозрительно трещал, готовый вот-вот провалиться под мальчишескими ногами, настолько он прогнил. Ничего интересного Сереза не обнаружил. В развалившемся сарае нашлась куча ржавого железа неизвестного предназначения, тут же стояла наполовину вросшая в землю древняя наковальня. Должно быть, сарай некогда был кузницей. Печальное это место не вызывало в мальчишке особых чувств. Его по-прежнему притягивали острова, стоявшие на болотах.

5

Острова манили. Однажды Сереза не выдержал. Дело было в конце июня. Стояла ясная жаркая погода. В лесу на болотах приближался к концу тот взрыв жизни, который длится до середины лета и после которого наступает увядание. Но до увядания было пока далеко. Обширная луговина, через которую лежал путь на болота, казалась огромным ковром, усыпанным цветущими растениями. Возвышались белые султаны кашки, подмигивали сиреневые звездочки дикого цикория, рдели собранные в соцветия кровавые капли растения, которое, как вспомнил Сереза, ребяташки называли «татарским мылом». Вкрапления зарослей ромашки и донника, над которым, перелетая с цветка на цветок, гудели дикие лесные пчелы, не только не ломали узор, а, напротив, делали его еще оригинальнее. Среди ярких цветов белели бесчисленные точки цветущей клубники.

Недалеко от дома мальчик срубил небольшую сосенку, отхватил топором мохнатые ветви и теперь шагал через луг, на ходу сшибая верхушки цветов.

Болото начиналось внезапно, словно отрезанное от луговины гигантским ножом. Разнотравье переходило в кочковатую мокрую низинку, кое-где поросшую чахлыми кривыми сосенками. До ближайшего острова, по расчетам мальчика, нужно было идти примерно два-три километра. Вроде бы совсем немного. Сереза отчаянно двинулся напрямую.

Перед тем как сделать шаг, тыкал перед собой жердиной, проверяя, нет ли впереди топи. Но пока путь казался вполне безопасным. Метров через пятьдесят мальчик первый раз провалился по колено. Он легко вырвал ноги из мутной жижи, которая скрывалась под моховым покровом, и остановился. Потом неуверенно шагнул вперед. Толстое переплетение живых и мертвых корней трав закачалось, зашевелилось, словно живое, но выдержало. Мальчик пошуровал жердиной. Она проткнула зеленый покров и почти полностью исчезла в болоте. Дальше идти, видимо, не стоило. Он повернул назад и вскоре снова вышел на сухое место. Итак, путь закрыт. Во всяком случае, в данном месте, может быть, дальше найдется более удобная дорога? Сереза двинулся вдоль кромки болота, делая время от времени попытки пробиться к острову. Но увы! Результат был все тот же. Мальчик так увлекся, что не заметил, как дошел до небольшого озера, берега которого почти полностью состояли из многолетних наслоений плавающих растений, еле заметно колебавшихся под небольшой волной. Озеро скоро кончилось, и вновь потянулись торфяники. Уже не заметно ярких красок луга, уныло тянулась ржаво-бурая поверхность, лишь кое-где зеленела моховыми пятнами. То тут, то там встречались мертвенно-бледные полянки сфагнома. Они напоминали гниющие лишай. Идти стало совсем неудобно. Приходилось прыгать с кочки на кочку, то и дело оступаясь. Вокруг, куда ни кинь глаз, виднелись стелющиеся по земле глянцево-черные кустики черники и клюквы с прошлогодними подсохшими ягодами. Почему-то почти не попадалось комаров. Лишь изредка какой-нибудь особенно оголодавший кровопиец пытался спикировать на лицо мальчика.

Сереза отмахал километров пять и уже было решил возвращаться, как вдруг увидел вдалеке воткнутый в грунт шест, на вершине которого болтался какой-то лоскут. Лоскут оказался выцветшей добела, почти сгнившей тряпкой. Трудно было определить, как давно поставили этот импровизированный флагшток и как ему удалось устоять на голом, открытом всем ветрам месте.

Шест высывался из центра сложенной из камня пирамиды и оказался кованым железным прутом толщиной в два пальца. Он, видать, торчал тут не одно десятилетие, потому что бугорчатую поверхность изрядно изъело время. Он не проржавел, но, казалось, был обглодан каким-то неведомым зверем. Верхушка прута выглядела слегка оплавленной, как будто в него не раз и не два попадала молния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.